

№7

Июль 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 9

НИКУШУ ЛЮБИЛИ ВСЕ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№7⁽¹⁷⁷⁾
Июль 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

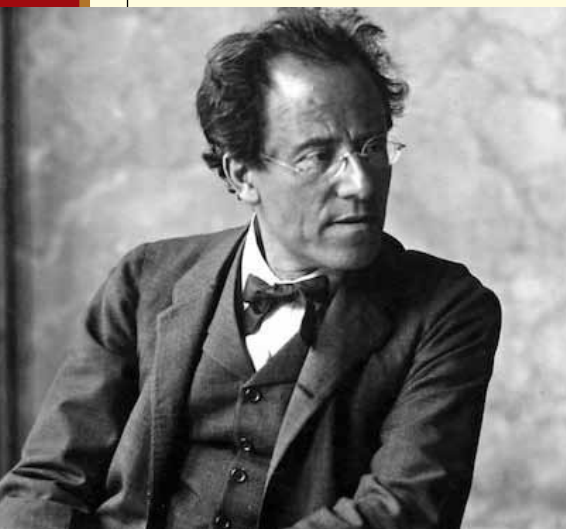
- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 МАЛИНА ОТ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
КЕТИ ПЕРАДZE
- 9 НИКУШУ ЛЮБИЛИ ВСЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 В ВАШИНГТОНЕ СОЗДАНА РУССКАЯ УСАДЬБА
ВАЛЕРИЙ ЯКОВ
- 16 НОВЫЕ ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»
- 18 ЮРИЙ МЕЧИТОВ: «ФОТОГРАФ – НЕ ТОТ,
КТО СНИМАЕТ...»
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 24 ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО ШЕКСПИРА
- 25 ЗАБУДЬТЕ СЛОВО «СМЕРТЬ»
НИНА ШАДУРИ
- 31 «СТАРАЮСЬ ДЕРЖАТЬ ПЛАНКУ»
- 32 АЗИАТСКИЙ СОНЕТ
СЕМЕН ЗАСЛАВСКИЙ
- 39 ПОЗДРАВЛЯЕМ!
- 40 С ВЫСОТЫ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 44 АРОМАТЫ ПАМЯТИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 46 «АНГЕЛ БЫЛ В ЕГО КИСТИ»
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 50 СТИХОТВОРЕНИЯ
ВАЛЕРИЙ КЛЕМЕНТЬЕВ
- 52 ПРО РЭМА И ДЖОКОНДУ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – НИКО ГОМЕЛАУРИ
Фото: Александр СВАТИКОВ

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ЮБИЛЕЙ ГУСТАВА МАЛЕРА

Нынешним летом исполняется 160 лет со дня рождения великого австрийского композитора XX века и дирижера Густава Малера. Это один из самых выдающихся симфонистов в истории музыки. Хотя при жизни он был больше известен, как один из крупнейших дирижеров знаменитой «поствагнеровской пятерки». Но учитывая его большое влияние на молодых дирижеров, еще при его жизни специалисты стали говорить о «малеровской школе», к которым относили и Бруно Вальтера и Отто Клемперера. Как композитор же Малер был известен больше узкому кругу преданных поклонников. Это было связано и с его еврейским происхождением, о котором в изысканном австрийском бомонде ему не давали забыть. Жил он небогато, всю жизнь усердно трудился, руководя различными симфоническими оркестрами, писал музыку только в свободное время, когда позволяли обстоятельства. Но успел сочинить необычайно много, а умер всего в пятьдесят. И потребовалось еще полвека, прежде чем любители му-

зыки услышали и оценили его гениальную музыку, в особенности его симфоническую эпопею – единый цикл из девяти полных и десятой неоконченной симфоний и песенных циклов «Волшебный рог мальчика», «Песни странствующего подмастерья» и «Песни о земле». А его Восьмую симфонию вообще называют симфонией «Тысячи исполнителей». Она является одним из самых масштабных произведений в мировом симфоническом репертуаре, хотя в действительности исполняется меньшим, чем тысяча, количеством участников.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
АВТОРА «ТБИЛИСО»

Выдающийся грузинский композитор, автор музыки ко многим кинофильмам, музыкальный педагог и скрипач Реваз Ильич Лагидзе родился 10 июля 1921 года в грузинском селе Багдати, как и знаменитый русский поэт Владимир Маяковский. Окончил Тбилисскую консерваторию по классу композиции в 1948 году. Его наставником был Андрей Мелитонович Баланчивадзе. Параллельно с учебой Лагидзе был скрипачом в симфонических оркестрах Грузинской филармонии и Грузинского радио, а после посвятил себя преподавательской деятельности и сочинению эстрадных песен и произведений для кино. Всего он музыкально оформил почти три десятка фильмов, среди которых «Волшебная свирель», «Прерванная песня», «Закон гор» и знаменитая «Хевсурская баллада». Как музыкальный педагог Реваз Ильич был заведующим кафедрой музыки Тбилисского педагогического института и преподавал в консерватории. Вместе с поэтом Петром Грузинским он написал популярную песню «Тбилисо», ставшую музыкальной визиткой родного города. В 1961 году Р. И. Лагидзе было присвоено высокое звание Народного артиста Грузинской ССР. Также он был награжден Государственной премией за оперу «Лела».

КОРОЛЬ СИАМА, РАМЗЕС II, ЛИХОЙ КОВБОЙ И ТАРАС БУЛЬБА

Встретились как-то в Париже у кинотеатра Гамон с огромной афишей популярного американского фильма «Король и я» двое друзей юности. Один импозантный и элегантный, крепко сбитый джентльмен в безупречном костюме с гладко выбритым черепом, а другой – чернявый щуплый, сутулый коротышка с морщинистым лицом, как запеченное яблочко. Они обнялись и заговорили на... роме – загадочном языке вечных скитальцев цыган. Непривычно было его услышать прямо посреди бульвара Капуцинок. А потом они перешли на плохой русский с довольно сильным акцентом детей эмигрантов, выросших уже на новой родине. Друзья радовались встрече, хлопали друг друга по плечам, называя друг друга детскими именами «Алеша» и «Юлька». А потом и вовсе решили, что возьмут, да и запишут совместную пластинку русских песен и назовут ее «Цыган и я», почти как этот фильм на афише. Одним из друзей был знаменитый на всю французскую столицу цыганский певец и танцор Алеша Дмитриевич, выступавший в кабаре «Распутин», а другим оказался популярнейший голливудский актер Юл Бриннер – бесстрашный «черный» ковбой из великого вестерна «Великолепная семерка». На самом деле его звали Юлий Борисович Бринер, с одним «н», второе он прибавил для большей американскости. Он был сыном швейцарца Бориса Бринера и украинки Маруси Благовидовой, и родился во Владивостоке летом 1920 года. Там он прожил первые семь лет жизни. Затем мать перевезла детей в китайский Харбин, где Юлий учился в приличной школе. Там у него заметили музыкальный талант. В 10 лет он уже немного играл на гитаре и пел. А когда Маньчжурию захватили японцы, их семья эмигрировала в Париж. Юлик рос отчаянным мальчишкой, которого исключили из лицея за курение и драки, плохо говорящим по-французски и удивлявшим взрослых тем, что с тринадцати лет говорил точным густым баритоном. Тем не менее он был начитанным и умел хорошо общаться,

посему неудивительно, что со временем среди его знакомых оказалось немало взрослых и знаменитых людей – Кокто с Жаном Марэ, Пикассо, Серж Лифарь и др. Но сначала его приняла цыганская семья Дмитриевичей, которые выступали со своей программой в парижском ресторане

«Эрмитаж». Именно там он в пятнадцатилетнем возрасте впервые вышел на сцену. Юлик наврал матери, что собирается обучаться играть на классической гитаре и брать уроки пения, а сам купил маленькую семиструнку и стал разучивать с младшими Дмитриевичами – Валей, Марухой и Алешей цыганские песни, с которыми они вскорости стали знаменитыми. Но друзьям юности суждена была разлука – Дмитриевичи поняли, что скоро будет война с фашистами, и отправились в Южную Америку, а у матери Юлия нашли лейкемию и семья уехала сначала снова в Харбин, а потом в Америку. Там Юлий стал Юлом, добавил лишнюю «н» в свою фамилию и начал учиться актерскому ремеслу в группе у гениального Михаила Чехова. При его талантах было недалеко до успеха. Сначала на Бродвее, где он принял участие во многих мюзиклах. И даже стал знаменитым, с огромным успехом сыграв роль короля Сиамы, которую позже воплотил на киноэкране, а потом добрался и до Голливуда. Так зажглась новая звезда американского кинематографа и бродвейского театрального премьера. Ко всему прочему, Юл Бриннер был еще и настоящим мужчиной со всеми достоинствами и недостатками, а не просто капризной примдонной. У него была сила воли, и он умел быть настоящим другом. Женат Юл был аж четыре раза. От разных браков у него были две свои дочери и еще он удочерил двух вьетнамских девочек-сирот из лагерей беженцев. За свою тридцатилетнюю актерскую карьеру он сыграл в кино несколько десятков ролей, включая роль фараона Рамзеса II в «Десяти заповедях», царя Соломона, Митю Карамзова, Тараса Бульбу и, конечно же, загадочного ковбоя Криса Адамса,

возглавившего группу стрелков – защитников мексиканской деревушки от банды грабителей. Бриннер прожил чуть больше шестидесяти. Он умер от рака легких, как заядлый курильщик. На родине в российском Владивостоке ему открыли памятник и установили мемориальную доску на доме. В июле исполняется сто лет со дня рождения легендарного голливудского актера.

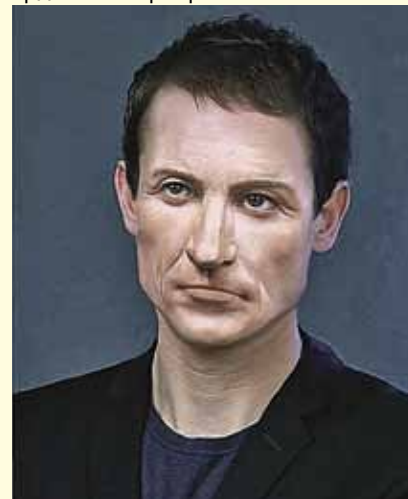
ИДЕАЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ

Если и существовал на свете совершенный исторический герой, то это, конечно, Гай Юлий Цезарь. Судите сами – храбр, высок, строен, имел благородную осанку, был прекрасно физически развит, и внешне был довольно привлекательным – нравился многим дамам. Но, главное, Цезарь был невероятно умен, прекрасно образован, мог делать одновременно несколько дел, был

прекрасным полководцем, талантливым литератором, политиком-законодателем и реформатором. То есть это был человек практически без недостатков. Цезарь уже при жизни считался гением, таким и остался в памяти человечества. Он родился 12 июля 100 года до н.э. в самой уважаемой старинной патрицианской аристократической семье из рода Юлиев, ведущей свое происхождение от легендарного троянца Энея. Среди предков Цезаря был даже четвертый римский царь Анк Марций. Невзирая на все это, Гай Юлий рос в небогатой обстановке. Их семья не имела достойного дома и поселилась в самом неблагополучном районе Рима Субуре, где и в нынешние-то времена ночью ходить небезопасно. Его мать Аврелия Котта – женщина умная, волевая и решительная, купила на свое приданое инсулу – древнеримскую многоэтажку, где устроила их квартиру на первом этаже, а жилище на других этажах заняли постояльцы из самых разных народов – греки,

сирийцы, египтяне, евреи и многие другие. Этот простой люд и окружал Цезаря с самого детства. Он не только знал жизнь плебса, но и владел множеством языков разных народов, чем впоследствии изумлял при переговорах с иностранцами. Да и рос маленький патриций среди самых отъявленных бандитов на самых разбойных улицах. Это не только закалило его волю, дало невероятный жизненный опыт, но и подарило ему немало «полезных» знакомств – римское отребье обожало и боготворило Цезаря, как «своего» земляка. Многие считают, что звали его Юлий по фамилии Цезарь. На самом деле, его звали Гай, Юлий – это фамилия, а Цезарь – родовое прозвище, означавшее «лохматый». К своему огорчению, Цезарь был не лохматым, а напротив лысоватым. Но он вышел из положения, прикрыв раннюю плешь дубовым Гражданским венком – это было такое воинское отличие, типа ордена за храбрость. В самом на-

чале своей военной карьеры Цезарь заслужил его за героизм. Талант военного стратега ему помог развить муж любимой тетки Юлии – великий римский полководец Гай Марий. Старый воин потратил немало времени, разбирая с мальчиком великие сражения, тактику военачальников прошлого, делился искусством организации военных лагерей, построением легионов, учебным процессом. Так что когда пришла пора повзрослевшему Цезарю возглавить войско, все эти знания пригодились. В историю Цезарь вошел великим полководцем-завоевателем, реформировавшим римскую жизнь, государственное устройство. И даже знаменитый юлианский календарь ввел именно он. Рассказывать подробно биографию Цезаря во времена интернета и доступной информации не стоит. Скажем только, что его легко представить себе современным человеком. Мы даже поместили его портрет в современных одеждах, чтобы вы в этом убедились.

Полевые работы

МАЛИНА ОТ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

■ Кети ПЕРАДЗЕ

Несколько человек в шапках-панамках с большим усердием собирают малину на великолепно ухоженном садовом участке, они бережно укладывают ягоды в специальные контейнеры. Скоро приедет машина, которая заберет продукцию на реализацию в крупный столичный супермаркет. Казалось бы, что тут удивительного, обычный огород, однако его особенность состоит в том, что он расположен в тюрьме, а люди, работающие в нем, пожизненные заключенные.

Это далеко не первый урожай, выращенный их руками. Еще в мае 2019 года Специальная пенитенциарная служба распространила информацию о том, что по инициативе министра юстиции Грузии Теи Цулукиани на территории учреждения закрытого типа №8 в Глдани впервые начат проект по трудоустройству пребывающих там совершеннолетних и несовершеннолетних осужденных, в том числе пожизненных заключенных. Цулукиани отметила, что во

время одного из своих визитов в тюрьму она видела, как несколько заключенных сажали во дворе зелень для собственного потребления. Отсюда и зародилась идея занять осужденных выращиванием различных сельскохозяйственных продуктов, а полученную от реализации сумму зачислять на их банковские счета. Если бы жители города имели возможность посетить тюрьму, перед их взором открылась бы необычная картина: в окружении высоких бетонных оград с железными прутьями едет трактор, вспахивающий землю, затем на поле выходят заключенные и начинают сажать рассаду. По их действиям видно, что они знают как работать с растением, ведь все прошли курс обучения у специалистов – эту инициативу удалось осуществить при содействии Научно-исследовательского центра сельского хозяйства. В общей сложности был обработан земельный участок в три тысячи квадратных метров, где осужденные посадили саженцы малины (2210 саженцев малины трех сортов) и засеяли фасоль (красную и белую);

позднее они стали также выращивать бахчевые культуры. Как признаются сами заключенные, в результате работы на чистом воздухе они прекратили прием антидепрессантов и лекарств, регулирующих давление, чувствуют себя более бодро и настроены оптимистически. В проекте принимают участие семь пожизненных заключенных. «Работа в огороде нам многое дает, учит, какие растения когда нужно сажать. Приятно участвовать в этом проекте, пребывание в закрытом помещении, как правило, ослабляет человека, а труд на чистом воздухе полезен для здоровья», – отметил один из заключенных.

Организация «Реформер» бесплатно передала им пестициды и материалы, необходимые для выращивания ягод и овощей. «Мы поддержали проект, так как осознаем важность ресоциализации заключенных, это хороший европейский пример того, как мы можем изменить реальность для этих людей. Заинтересованность заключенных большая, и думаем, что у проекта будет еще больше бенефициариев», – отметил основатель «Реформера» Торнике Джанашвили. Виды выращиваемых фруктов и овощей были подобраны таким образом, чтобы продажа урожая осуществлялась исходя из спроса на рынке. Уже в сентябре минув-

Лоток с малиной

шего года осужденные собрали свой первый урожай, который был реализован с помощью представительства Торгово-промышленной палаты Франции в Грузии. Продукция продается в одном из крупных супермаркетов, а помидоры, фасоль и малину закупает кафе «Литера» для приготовления фирменных блюд. Первый доход заключенных от продажи продукции составил примерно 2000 лари. Часть этой суммы они потратили для дальнейшего финансирования проекта, остальная часть перечислена на их карточки. 20 сентября 2019 года Теа Цулукиани, выступая с отчетом о проделанной работе Специальной пенитенциарной службы, не без гордости указала на стоящий в зале стенд, на котором лежали овощи и фрукты, выращенные заключенными: помидоры двух сортов, огурцы, стручковый и болгарский перец, зелень, кабачки, зеленый лук, свекла, свекловые листья, фасоль. По словам министра юстиции, забота о заключенных состоит не только в том, чтобы они каждый день питались качественной едой, а в том, чтобы эти люди работали в тюрьме и могли помогать своим семьям доходом, полученным от собственного труда. «Наверное, в истории мировой пенитенциарной системы на презентации отчета о деятельности ведомства впервые выставле-

ны фрукты и овощи. Это урожай, который вырастили наши заключенные в Глдани. В том самом учреждении, где много лет назад пытка была моделью жизни, сегодня разбиты сады и огород», – отметила Цулукиани.

Теплица за проволокой

Примечательно, что заключенные выращивают не только овощи и фрукты, но и цветы, которые пользуются большой популярностью среди покупателей из-за высокого качества и доступной цены. Эти цветы «появились на свет» благодаря плодотворному сотрудничеству нескольких НПО и государствен-

Тепличные цветы

ных структур Грузии. По словам председателя Ассоциации фермеров Грузии Нино Замбахидзе, при финансовой поддержке Евросоюза, Ассоциация фермеров Грузии, неправительственная организация CiDA и DVV International осуществили проект «Инициирование содействия занятости и тренингов в секторе правосудия», целью которого было оказание заключенным, бывшим заключенным, условно осужденным, а также их семьям помощи в получении профессионального образования и предоставлении им возможности трудоустройства. При согласовании со Специальной пенитенциарной службой, были отобраны три целевых учреждения пенитенциарной системы Грузии: N5 – Специальное учреждение для женщин, находящееся в деревне Мтисдзири Гардабанского муниципалитета, N15 – Учреждение полукрытого и закрытого типа в Ксани, и N16 – Учреждение низкого риска и подготовки к освобождению, расположенное в Рустави. В данных местах лишения свободы были построены три теплицы – в Рустави и Мтисдзири – для цветов, а в Ксани – для производства земляники. Заключенные прошли трехмесячный теоретический и практический курс по выращиванию ягод и цветов, и сами стали производить продукцию. По словам менеджера по проектам CiDA Теоны Киладзе, перед началом

Дары грузинской земли

осуществления проекта, организация провела изучение рынка труда и опрос осужденных. В результате исследования выяснилось, что для заключенных интерес представляют краткосрочные тренинги в сфере сельского хозяйства, а работодателям нужны профессиональные кадры в этом секторе. Анализ показал, что на такую сельскохозяйственную продукцию, как цветы и ягоды спрос высокий, поэтому было решено производить именно эти культуры. Так как в тюрьмах строгий режим, а цветы нуждаются в особом уходе, для теплиц были подобраны такие сорта растений, которые легко выращиваются и адаптированы под температурный режим вышеуказанных учреждений. «Помимо выращивания цветов, осужденные научились обрабатывать почву и вести другие сельскохозяйственные работы. На занятиях им объяснили, как продавать продукцию

и искать рынок сбыта», – отметила Теона Киладзе.

По мнению Нино Замбахидзе, сегодня в стране образование – самый большой дефицит, и не имеет значение, где человек получит знания: на воле или в заключении. Когда эти люди покинут места лишения свободы, они уже будут приспособлены к «внешним» условиям жизни. Как признался один из заключенных Джокия Бодокия, изначально он стал работать в теплице чтобы как-то убить время. Но затем процесс выращивания растений так увлек, что в сельском хозяйстве он нашел себя. «Сейчас могу сказать, что люблю это дело. Радуюсь каждому рассвету в тюрьме, т.к. знаю, что должен выйти отсюда. Мне еще долго до освобождения – 7 лет, за это время многое может измениться, но после выхода на волю, если даже с коммерческой точки зрения не продолжу это дело, то в качестве хобби – обязательно. Заведу малое хозяйство, чтобы обеспечить семью своими продуктами», – сказал Бодокия.

Маргаритки из тюремной теплицы

Реализацию растений взяла на себя Ассоциация фермеров Грузии, которая организовала с этой целью несколько мероприятий. Впервые выставка-продажа цветов состоялась в День независимости 26 мая 2019 года. На проспекте Руставели поставили высокие стеллажи с продукцией

из теплицы. В два часа дня было уже так жарко, что буквально все «плыло» перед глазами. «У меня раскалывается голова, наверное, получила солнечный удар», – сказала Нино Замбахидзе, держась одной рукой за голову, а другой – помогая своей команде раскладывать на прилавке горшки с цветами. Никто не взял с собой солнцезащитные шапочки, и чтобы как-то укрыться от жгучих лучей, члены команды Нино надели на головы длинные бумажные пакеты, предназначенные для упаковки цветов. Сотрудники ассоциации героически выдерживали это испытание, терпеливо обслуживая покупателей: цветы продавались как горячие булочки, и сотрудники еле успевали их подвозить. Среди потребителей популярностью пользовались такие сорта, как виола, арабис, обриета и маргаритка многолетняя. Растения можно было купить по очень доступным ценам: 1 лари, 1,5 лари и 2 лари за цветочный горшок. «Нам сегодня из тюрьмы звонят заключенные, спрашивают, как продаются цветы, очень радуются, что их продукция нравиться людям», – отметила Замбахидзе. Доход, полученный от продажи цветов, был направлен на покупку семян, а часть начислена осужденным. Вторая подобная акция состоялась всего три месяца назад, на празднике 8 марта в торговом центре Дидубе Плаза. За день до этого Замбахидзе опубликовала объявление в социальных сетях, и призвала всех своих знакомых приобрести цветы. Обращение возымело действие – на протяжении всего дня покупатели приезжали на машинах и закупали продукцию ящиками. Помимо этого, в рамках корпоративной социальной ответственности компания «Adjara Group» оформила гостиницу «Stamba» цветами, выращенными женщинами-осужденными, а компания «Артбюро» украсила ими обновленную площадь Орбелиани. По словам Нино Замбахидзе, это первый прецедент в мировой практике, когда в местах лишения свободы осужденные выращивают сельскохозяйственные культуры.

НИКУШУ ЛЮБИЛИ ВСЕ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

12 июля исполнилось 50 лет со дня рождения талантливого актера и поэта Нико Гомелаури. Друзья, коллеги Никуши по творческому цеху из театра Грибоедова, Свободного театра возложили цветы на его могилу в Дидубийском пантеоне, читали стихи, вспоминали со светлой грустью... Долго не хотелось расходиться. Было ощущение, что Нико Гомелаури где-то рядом.

Еще при жизни о нем сложилась легенда. Никушу любили все. За его низкий со специфической хрипотцой голос, за обаятельную, чуть застенчивую улыбку, за грустные серо-голубо-зеленые глаза. За оптимистичное «Прорвемся!» даже тогда, когда надежды нет... Но главное – за фантастическую актерскую органику, заставляющую вспомнить лучших представителей мирового театра и кино. Эта органика поразила в первые же минуты его появле-

ния в образе Вронского – дебют Нико Гомелаури на грибоедовской сцене в спектакле «Анна Каренина» в постановке Гоги Кавтарадзе. Наверное, внешне актер не совсем соответствовал каноническому представлению о толстовском герое. Не было у него военной выправки гвардейского офицера Вронского. Но было главное – глубокое проникновение в психологию героя, искренность, редкая, абсолютная естественность актерского существования. Про таких говорят: он словно не играет, а живет на сцене, в кадре...

Это свое профессиональное и человеческое качество он раскрывал в дальнейшем в новых ролях, на новом интересном материале. Творчески очень плодотворным оказался тандем Авто Варсимашвили – Нико Гомелаури. Как важно, когда такой союз действительно складывается! Когда режиссер находит своего актера, а актер

– своего режиссера. В этом случае на сцене и происходит настоящее чудо.

Нико Гомелаури, признавшийся в одном из интервью, что в нем живет чеховский дух, буквально купался в ролях, доверенных ему Варсимашвили в спектакле «Жизнь прекрасна!» по произведениям Антона Павловича. Актер предстал сразу в нескольких образах, и каждая работа была отмечена зрелым мастерством и ярко выраженным личностным началом.

В новелле «Враги» зрители с интересом следили за психологическими нюансами взаимоотношений двух персонажей, тонкими оттенками актерской игры. Перед нами разыгрывалась драма непонимания между помещиком Абогиным – героем Гомелаури и доктором – его играл В. Харютченко. Эти двое, пережившие несчастья, не способны выйти за круг собственного страдания, не могут пре-

С супругой Ниной Чодришвили

одолеть эгоизм и расстаются непримиримыми врагами. Одно удовольствие было наблюдать за тем, как тщательно выстраивал свою роль Нико Гомелаури. Восхищало ироническое отношение актера к своему персонажу, так страстно переживающему за здоровье жены и вдруг открывающему, что жестоко обманут. В какой-то момент, потрясенный предательством, Абогин даже забывает о том, что привез в свое имение врача – «спасать» жену. Он растерян. Почти с удивлением «обнаружив» присутствие уже ненужного доктора, Абогин – Гомелаури обращается к нему с бесконечными навязчивыми жалобами и обвинениями в адрес изменницы. Вместо того, чтобы попросить прощение за недоразумение у несчастного человека, только что пережившего реальное большое горе – потерю ребенка! Это выглядит драматично, даже страшно, и, вместе с тем смешно и нелепо.

Брутальным мачо представляет актер помещика Смирнова из знаменитого чеховского «Медведя». Он с наслаждением погружается в игровую стихию театра представления и

виртуозно ведет свою партию. А в финале спектакля появлялся в каком-то чеховско-феллиниевском обличье с монологом из рассказа «Жизнь прекрасна», в котором в шутилой форме выражена теория относительности зла: «Если тебе изменила жена, радуйся, что она изменила тебе, а не Отечеству!»

Высоко оценила игру Гомелаури в спектакле «Жизнь прекрасна!» московский театральный критик Татьяна Шах-Азизова: «Чехов у Гомелаури – полнокровный и темпераментный, земной и театральный, герой дан крупным планом. Но наряду с «Медведем», где «бурбон и монстр» Смирнов сыгран лихо и броско, есть эпизод «Враги», глубокий и драматичный».

Своей необыкновенной природной органикой фонтанировал Нико Гомелаури и в нашумевшем спектакле «Russian блюз» по произведениям русских писателей. Во многом успех постановки Авто Варсимашвили был обусловлен участием этого актера. Монолог молодого московского вора-карманника, принятого на работу в научно-исследовательский институт в

качестве донора спермы (монолог был насыщен нецензурщиной), произносился актером так легко, даже изящно, что зритель влюблялся в его харизматичного Николая Николаевича. И даже мат из его уст воспринимался отнюдь не как нечто вульгарное. Этот обаятельнейший пьяница и матерщинник привлекал зрителей своей внутренней свободой, юмором. Используя ненормативную лексику, Николай Николаевич выражал отношение современного человека к негативному опыту прошлого, как, впрочем, и к нынешней, увы, по-прежнему абсурдной реальности...

Авто Варсимашвили доверял Нико самые сложные и интересные роли. Потому что был уверен: актер справится с любой творческой задачей, в любом жанре! Так появился загадочный повелитель царства тьмы из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова в трактовке Нико Гомелаури. Говорили, что он один из лучших Воландов, какие довелось видеть зрителям на сцене или экране.

Это был сложнейший путь, причем прошел его артист Гомелаури вне всякой мистики.

«В мистику я абсолютно не верю, – говорил Нико. – В этом у меня совершенно не актерская натура, и чисто актерских суеверий у меня нет. Правда, уже в привычку вошло ступить на сцену правой ногой. Вот и все мое суеверие. Не знаю, откуда это. Из студенчества, наверное... А в отношении Воланда было не суеверие, а чувство ответственности – все-таки Булгакова играю, все-таки «Мастера и Маргариту». А мистических страхов не было! Работая над образом Воланда, я исходил из текста романа. У Булгакова все хорошо расписано, так что нет нужды что-то выдумывать. Если кто-то внимательнее прочитает роман, а потом посмотрит мою работу, то может сделать выводы. Это я так воспринял, ощутил Воланда, когда впервые прочитал произведение в пятнадцать лет. Но я никак не думал, что когда-нибудь сыграю эту роль, что кто-нибудь поставит это произведение, тем более в Грузии, тем более на русском языке... Я могу об этом говорить бесконеч-

Нико Гомелаури

но! Главное, все в этом романе – правда. Не было желания играть мистику, магию. Это настолько ощутимо, что можно рукой потрогать. Если изображаешь мистику, если приходишь в образе дьявола и говоришь: «Я такой страшный!», тогда это... комикс, во всяком случае, что-то совершенно неправдоподобное. Нужно играть просто и по-человечески, что ли!»

Вот Нико и сыграл Воланда просто и по-человечески. Его персонаж был ироничен, изменчив и очень одинок. Это – одна из лучших работ уникального актера. В рисунке его роли порой просматривался лермонтовский «печальный демон, дух изгнанья». В стремлении уйти от вселенного одиночества Воланд вдруг на какое-то мгновение прижимался к Маргарите, и вычерчивалась судьба обреченного на бессмертие «повелителя теней», который является «частью той силы, которая вечно хочет зла, но вечно совершает благо» («Фауст» Гете). В финале именно премудрый Воланд расставлял все точки над i, направляя, по просьбе Всевышнего, Мастера и Маргариту по дороге, ведущей к вечному дому, с неоднократно прозвучавшими в спектакле словами: «Тот, кто любит, должен разделить судьбу того, кого он любит!». Это относилось и к прощенному и свободному Пилату, наконец последовавшему за Иешуа по лунной дороге...

Столь же одинок и неприкаян, с неизменной печалью в глазах, персонаж Гомелаури из совершенно другой «оперы» – искрометной комедии «Ханума, или Поэма о старом Тбилиси» А. Цагарели. Главный герой постановки Авто Варсимашвили – вовсе не предприимчивая затейница Ханума, а князь Пантиаши, собирательный образ грузина, как это представляют себе авторы спектакля. Обаятельный кутила, прожигатель жизни, ленивый и в то же время бесконечно одинокий человек, предаваемый окружающими, даже друзьями. Таким его играет Нико Гомелаури. Значимость его работы отметила театральная критик Наталья Каминская на страницах газеты «Культура»:

«...Нико Гомелаури в роли Князя не мог не поразить воображения. Во-первых, молод, во-вторых, брутален (роли абреков уж точно созданы для него), в-третьих, обезоруживающе трогателен, ибо бородатое дитя, да и только».

Каждый выход Никуши на сцену был праздником для зрителей. Любая его новая роль вызывала огромный интерес публики, критики: кавалер Рипафратта – «Страсти по Гольдони»; Галактион Табидзе – «Я, Булат Окуджава» по роману писателя «Упраздненный театр»; Михаил Лермонтов – «Сны о Грузии» в инсценировке по русской поэзии; Алекс – «Две пары» Я. Добревой; Аздак – «Кавказский меловой круг» Б. Брехта.

И с каждым годом печаль в глазах Никуши становилась все ощутимее. В образе Алекса из спектакля «Две пары» Я. Добревой (режиссер Андро Енукидзе) многие увидели переключку с судьбой самого актера: персонаж был неизлечимо болен – как и сам артист. Нико Гомелаури, показывая трагедию Алекса, переживающего глубокий духовный кризис, существовал на сцене в более сдержанной манере, нежели в других своих работах. Оставалась недосказанность, недоговоренность, тайна личности.

Сцена из спектакля «Ханума»

В сознании Алекса происходил мучительный процесс переоценки ценностей. Но за этим не последовало возрождение. Мы становились свидетелями угасания, заката... Алексу даже не дано было обрести покой рядом с близкими людьми: любимая женщина Елена навсегда покидала его, сына уже не было на свете. Герою суждено было уйти из жизни в полном одиночестве.

Интересно работал Нико Гомелаури и на сцене Свободного театра. На фестивале «Белая вежа» в Бресте он был отмечен призом за лучшую мужскую роль, сыгранную в культовом спектакле Авто Варсимашвили «Комедианты». Столь же высокую оценку он получил на фестивалях во Львове (Украина), Трабзоне (Турция). За свой блестящий актерский дар он стал лауреатом престижной театральной премии имени Котэ Марджанишвили.

В спектакле «Комедианты» была отражена современность, тяжелые испытания, выпавшие на долю грузинского народа в последние десятилетия. Нико играл, как всегда, точно, потрясал зрителей глубочайшим драматизмом. Эту его работу до сих пор не могут забыть зрители. Широкий общественный резонанс вызвали его роли, сы-

гранные в спектаклях «Братья» по мотивам фильма «Рокко и его братья», «Кавказский меловой круг» Б. Брехта, «Люблю, люблю, люблю...» А. Варсишвили.

Зрители шли «на Гомелаури», а это означало – высокий профессионализм, яркий темперамент, исповедальная интонация, острота внешнего рисунка. У него все было впереди, талант Нико еще только набирал обороты. Гомелаури ведь, по сути, был еще совсем молодым актером...

Он много работал. Снимался в кино, работал на телевидении, выпускал поэтические сборники. Нико Гомелаури был уникален во многих отношениях – в частности, в том, что был двуязычным актером и поэтом: грузинским и русским языком он владел одинаково хорошо, что, в общем, встречается довольно редко.

Нико был очень любим, популярен, обласкан окружающими, зрителями. Фортуна улыбалась ему – как и он улыбался миру своей особенной улыбкой. Но при всем своем обезоруживающем обаянии он мог быть весьма жестким. Потому что всегда оставался требователен

к себе и другим в чисто профессиональном отношении. «Я просто максималист по жизни: должно быть очень хорошо, а не просто хорошо! Другие могут закрывать глаза на несовершенства, но я не могу, – говорил Нико. – Но я никогда не обижу, ничего не скажу, если знаю, что коллега не воспримет критику, как добрый совет, озлобится. Но к молодым я требователен, и мне все равно, обидятся на мое замечание или нет. Я ведь говорю, прежде всего, для него же, для дела. А вообще я очень жесткий человек. Приходится быть жестким».

К такому понятию, как «хорошая актерская школа» (его педагогами были Михаил Туманишвили, Леван Мирцхулава), Нико относился осторожно. Говорил: «У одного и того же мастера могут учиться два ученика, один достигнет успеха, другой нет. В принципе школа очень большого значения не имеет, это азы... Важнее собственный опыт и то, что ты сам в себе носишь. И вещи чисто ремесленные».

В интервью автору этих строк Нико выражал сожаление, что не может работать в России: «Если бы у нас нала-

дились хорошие отношения с Россией и появилась русскоязычная арена, мое тщеславие, возможно, и выиграло бы. Но арена потеряна, и это трагедия! Конечно, настоящая трагедия – это смерть близких, но мы ведь сейчас говорим о профессии. Из-за замкнутого существования теряются навыки, когда нет возможности высказываться так, чтобы тебя слышали, удивлять! Чем больше интересных людей вокруг, тем это полезнее для тебя. Ты ведь в этом случае впитываешь, происходит водоворот энергии. А так просто сидеть и быть популярным неинтересно...»

Для многих Нико Гомелаури-поэт столь же значим и интересен, как и актер. Он был постоянным участником поэтических фестивалей, проводимых международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб», проявил себя как высокопрофессиональный мастер поэтического слова. Когда он знакомил гостей фестиваля со своим творчеством, то становился не просто одним из его участников, а – знаковой фигурой. Он вызвал огромный интерес у своих коллег-поэтов из более чем 30 стран мира, они начали его переводить. Многие стихотворения Никуши переведены в разных странах мира, особенно в России. На русский язык его переводили такие замечательные поэты, как Бахыт Кенжеев, Давид Маркиш, Елена Исаева. Стихотворения Гомелаури опубликованы в многочисленных поэтических альманахах, журналах и книгах.

Завершу материал словами Давида Маркиша: «Трудно говорить о Нико Гомелаури в прошедшем времени. Светлый, солнечный человек, к друзьям которого я принадлежу, ушел таким молодым, так рано! Бессмысленно рассуждать о несправедливости судьбы — мы живем и умираем в хаотическом мире, где бессмертна только память. Те, кто знали Нико, видели его на сцене, читали его стихи, сохраняют память о нем».

И осталась легенда...

Борис Казинец

В ВАШИНГТОНЕ СОЗДАНА РУССКАЯ УСАДЬБА

■ ВАЛЕРИЙ ЯКОВ

Вчера вечером в «Театрале» раздался звонок из США, и мы услышали хорошо знакомый голос. Звонил создатель и руководитель Театра русской классики в Вашингтоне Борис Казинец, лауреат премии «Звезда Театрала» в номинации «Лучший русский театр за рубежом». «Сообщаю, как и обещал, – произнес он энергично с неизменной улыбкой в голосе, – стройку закончил. Усадьба готова!»

Месяц назад «Театрал» рассказал о необычном увлечении народного артиста Грузии Бориса Михайловича Казинца, уже не одно десятилетие живущего в Америке. В юные годы будущий мастер сцены пристрастился к резьбе по дереву. Но затем времени на это увлечение практически не осталось, и бесконечно занятый актер о своем хобби позабыл. Лишь переезд в США вынудил вспомнить все прежние навыки, так как семье нужно было выживать. Тут-то и пригодился опыт юности. К тому времени уже народный артист Грузии приобрел недорогой ин-

струмент, нашел соответствующий материал, и стал мастерить из дерева макеты русских изб, мельниц и храмов.

Его искусные, красочные и необычайно живописные творения вызвали вдруг искренний интерес у ценителей русской старины. И деревянные избы Казинца стали приобретать для коллекций, подарков и музейных экспозиций. Появились они и в магазинах Трампцентра и Рокфеллерцентра. Деньги это приносило совсем не те, что дает продажа настоящих изб, но каждый доллар для семьи был важен, потому что в свободное от ежедневного труда время Борис Казинец создавал со своими единомышленниками Русский театр, о котором здесь, в Америке, мечтал с первого дня приезда. Мечтал вместе со своей женой, неизменным другом и творческим партнером Светланой.

Пока Борис Михайлович мастерил избы, Светлана лепила пельмени на заказ от местной синагоги, а если заказ был слыш-

ком большим, то, отложив свои инструменты, ей помогал лепить и народный артист. Благодаря этим нелегким заработкам удалось не только сводить концы с концами, оплачивая жилье и питание, но и арендовать помещения для театра, создавать спектакли и выпускать первые премьеры. Поэтому можно без особого преувеличения сказать, что Театр русской классики в Вашингтоне Борис и Светлана вырезали и слепили собственными руками. И со временем не раз вспоминали о том, как все это зарождалось, и сколько требовало сил.

Начало всемирной пандемии обрушило все творческие планы Театра Бориса Казинца. На 26-27 июня он готовил премьеру нового поэтического моноспектакля по произведениям Пушкина и Лермонтова. Названием спектакля стала известная пушкинская строка «...И влюблюсь до ноября». Действо должно было разворачиваться в формате поэтического поединка двух гениев под музыку Чайковского и Штрауса. Привезти этот спектакль Борис Михайлович планировал и в Тбилиси, где очень хотел в октябре отметить свое 90-летие. Но коронавирус всех изолировал и все изменил.

Оказавшись в карантинных условиях деятельный Борис Михайлович снова вспомнил о своем хобби, разыскал давно заброшенный инструмент, и за-

«Усадьба» Бориса Казинца в Вашингтоне. Фотографии Игоря Голдмана

нялся строительством русской усадьбы под названием «Светобор». Строил не по памяти, а сверяясь с любимым двухтомником «Русское деревянное зодчество». Возводил вдохновенно и радостно, посвящая усадьбу любимой Светлане, с которой прожили вместе почти

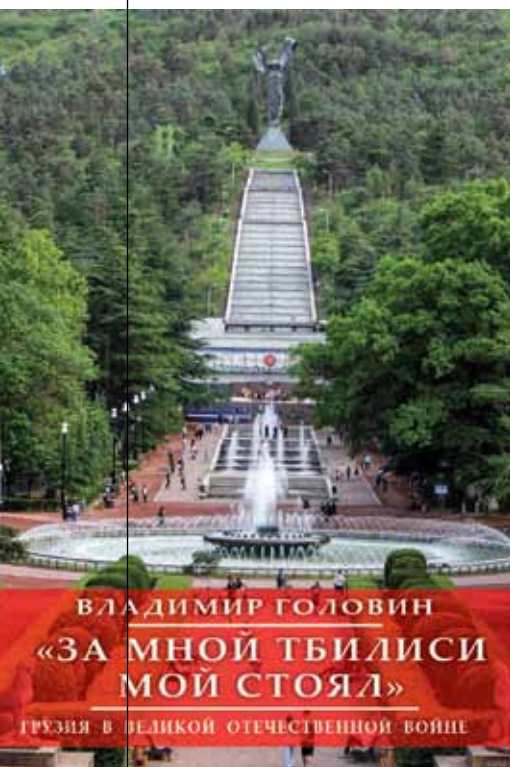
пятьдесят лет, но своего дома построить как-то не смог. Домом для них всю жизнь оставался родной театр.

И вот вчера Борис Михайлович, как и обещал, позвонил мне, чтобы с необычайным воодушевлением в голосе произнести эту фразу: «Усадьба

готова!». Он тут же выслал мне на почту фотографии, чтобы радость его была наглядной. И я, не скрывая восхищения, признал, что усадьба действительно удалась. Теперь это будет одним из самых красивых, изящных строений Вашингтона.

Но чтобы оно уж совсем не оставалось безвестным, мастер решил использовать свое творение в качестве настольной декорации в премьерном спектакле «...И влюблюсь до ноября». Теперь поэтические строки русских гениев Александра Пушкина и Михаила Лермонтова будут звучать над куполами храма русской усадьбы в столице США. Осталось лишь дожждаться отмены карантинных. Но Борис Казинец не ждёт, он репетирует, он творит. И он мечтает привезти свои творения в Тбилиси и Москву, по которым скучает, несмотря на свою русскую усадьбу в Вашингтоне.

«Театрал», 18.06.2020

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

Соб.инф.

В течение первого полугодия библиотека Союза «Русский клуб» пополнилась целым рядом новых изданий.

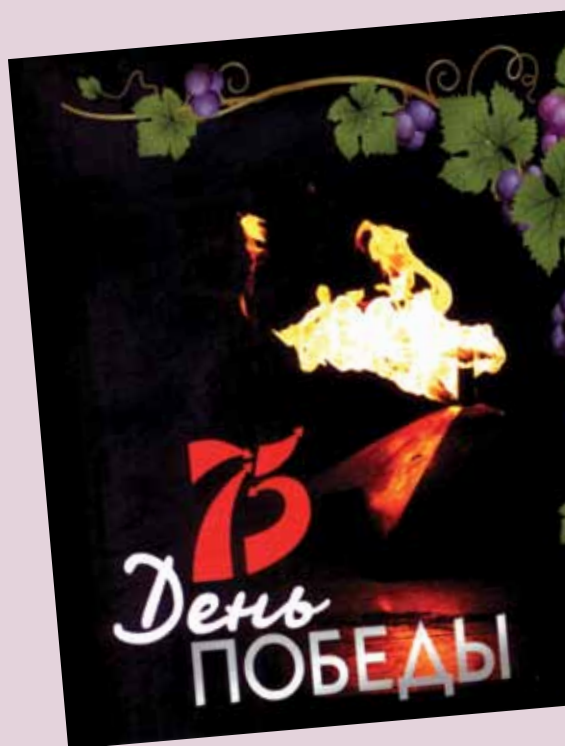
В ознаменование 75-летия Великой Победы над фашизмом вышла в свет книга Владимира Головина «За мной Тбилиси мой стоял. Грузия в Великой Отечественной войне». Из Грузии, в которой в 1941-м было 3,5 миллиона населения, на фронт ушел каждый пятый ее житель – 700 тысяч мужчин и женщин. И почти каждый второй из них не вернулся. В книге рассказывается о мобилизации в республике, подвигах уроженцев Грузии на фронтах войны, их участии в партизанском движении, размещении в республике эвакуированных, беженцев, госпиталей, создании в Грузии военной промышленности на основе эвакуированных заводов, снаб-

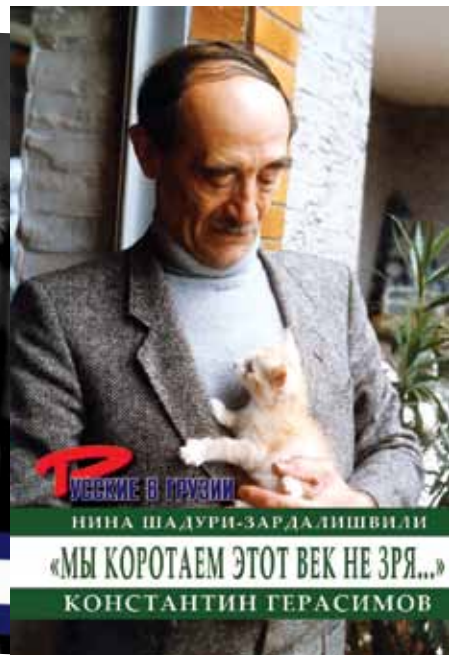
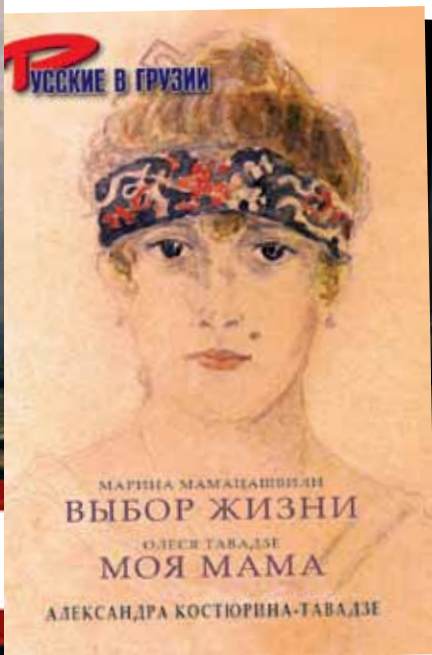
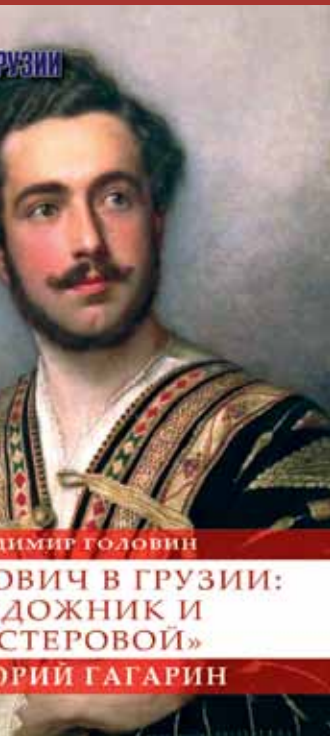
жении фронта, строительстве эскадрилий и танковых колонн на сбережения жителей, подготовке в вузах специалистов для фронта, грузинской культуре во время войны. Издание богато иллюстрировано, в нем использованы стихотворения поэтов Грузии, а также Булата Окуджавы, Веры Инбер, Владимира Высоцкого и Юрия Визбора.

К 9 мая «Русский клуб» также выпустил музыкальный диск «День Победы». В него вошли песни военных лет и о войне, которые исполнили грузинские певцы и артисты. Эти песни, без сомнения, занимают особое место в жизни каждого. Для одних – это личные воспоминания, для других – отголоски рассказов отцов и дедов, для третьих – детские воспоминания... В каждой из этих песен – живое дыхание человеческих эмоций на фоне

великой трагедии XX века, Второй мировой войны. И слушать их равнодушно невозможно.

Хотим порадовать поклонников знаменитой серии «Русского клуба» «Русские в Грузии» – изданы шесть новых книг. Теперь серия состоит уже из 33-х названий. Очередные издания, как всегда, посвящены тем выдающимся деятелям русской культуры, которые жили или часто бывали в Грузии, твори-

ли здесь, дружили, любили. На этот раз героями серии стали художник Александра Костюрина-Тавадзе, поэт Андрей Вознесенский, художник, архитектор князь Григорий Гагарин, театральные поэт Белла Ахмадулина, режиссер, актер, педагог Всеволод Мейерхольд и ученый-филолог, поэт, педагог Константин Герасимов. Проект осуществлен при поддержке Россотрудничества.

Художник Александра Костюрина-Тавадзе была «яркой личностью со сложной судьбой, в которой скрестились дарованный свыше самобытный талант, независимый характер и жесткие обстоятельства жизни... Судьба привела ее в Грузию по большой любви и предоставила ей компенсацию за все пережитое до этого». В книгу, посвященную художнику, вошел очерк Марины Мамачашвили «Выбор жизни» и воспоминания дочери А. Костюриной-Тавадзе, также художника, Олеси Тавадзе «Моя мама».

«Грузия занимала в жизни и сердце Андрея Вознесенского важное место. Порой – судьбоносное. Здесь он находил приют в дни гонений, заработок в дни безденежья, дружбу в дни оди-

ночества. Сюда он приезжал и тогда, когда его «любимая Грузия, жертвенная страна» сама нуждалась в помощи и поддержке». О взаимной любви Грузии и выдающегося русского поэта читайте в книге Нине Шадури-Зардалишвили «Любимая моя Грузия».

«По обычаю титулованного российского дворянства делом жизни Григория Гагарина должна была стать дипломатическая или военная служба. Но судьбе было угодно распорядиться так, что он известен не только как генерал-майор и кавалер многих орденов, дипломат и обергофмейстер императорского двора, а, в первую очередь, как блистательный художник. А наиболее полно талант художника и архитектора у этого европейски образованного человека проявляется в Грузии». О князе Гагарине рассказывает Владимир Головин в книге «Рюриковичи в Грузии: «художник и мастеровой».

Тема «Белла Ахмадулина и Грузия» – поистине неисчерпаема. Сказать, что Белла любила Грузию значит не сказать ничего. Сказать, что обожала? Этого тоже будет мало. Она выросла в Грузию, дышала ею, не могла

жить без этой земли, воздуха, людей. Слово «грузин» в ее понимании означало слово «родственник». Она наслаждалась звучанием грузинской речи и, находясь в Грузии, просила, чтобы при ней говорили только по-грузински. Неустанно переводила грузинских поэтов – начиная от Николоза Бараташвили и заканчивая Отаром Чиладзе. Белле Ахмадулиной посвящается книга Анастасии Хатиашвили «Больше, чем сны».

«Имя Всеволода Мейерхольда – синоним смелого театрального эксперимента, неутомимого творческого поиска и занимает особое место в истории мировой режиссуры первой половины XX века. Оно вписано и в историю театра Грузии». О великом режиссере рассказывает в книге Инны Безиргановой «Неистовый реформатор».

А в книге «Мы коротаем этот век не зря» перед нами предстанет живой образ Константина Герасимова – выдающегося ученого, поэта, педагога, библиофила, одного из ведущих сонетологов мира, профессора Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Автор – Нина Шадури-Зардалишвили.

Из фильме «Робинзонада». 1986

ЮРИЙ МЕЧИТОВ: «ФОТОГРАФ – НЕ ТОТ, КТО СНИМАЕТ...»

■ Медея АМИРХАНОВА

Быстро мыслит и так же быстро говорит, высказывается всегда интересно. Вечно молодой, энергичный, эксцентричный, безумно талантливый, зажигательный. Фотохудожнику Юрию Мечитову 70 лет? Да не может этого быть! И только вспомнив, сколько им сделано в профессии, можешь как-то согласиться с возрастом. Он сохранил для нас Тбилиси прежних лет с удивительными лицами горожан, увековечил фрагменты истории Грузии, обессмертил своими снимками очень многих людей. Снимал Сергея Параджанова, Верико Анджaparидзе, Михаила Туманишвили, Андрея Тарковского, Майю Плисецкую, Олега Янковского, Александра

Абдулова, Аллена Гинзберга, Марчелло Мastroяни, Роберта де Ниро... «Хочешь стать великим – снимай великих», – не раз слышала от Юрия Мечитова. Теперь он может говорить своим ученикам (и говорит полусерьезно): «И начинайте с меня».

Во время изоляции занимался своим новым проектом – «Тбилиси, восьмидесятые...». В фотостудии на Абашидзе, рядом с оперой, где происходит наш разговор, показывает некоторые работы из будущей книги. Майя Деисадзе, его давняя подруга, коллега и компаньонка, приносит чай и велит мне на интервью оставаться в маске.

– Для меня 80-е – важный период, – рассказывает Мечитов. – Оттуда берет начало мой фотографический архив. Первая выставка в Доме кино, в 1979 году. Сделали мы ее вдвоем с Вовой Николаишвили, руководителем фотоцеха киностудии. Эта выставка – заслуга моего друга Марка Полякова, живущего ныне в Нью-Йорке, который всячески подталкивал меня заняться фотографией серьезно. А я хотел быть поначалу кинематографистом, снимал фильмы, но сдавать экзамены во ВГИК не поехал – семья, двое детей. Сдавал раза три в наш театральный институт – на оператора, на режиссера научно-популярного фильма. Мне прямо сказали – «тебя все равно туда не пустят». Не подходил по многим параметрам.

Это сейчас кино можно снимать без никого. Достаточно мобильного телефона. Загрузи в компьютер специальные программы, и делай хоть для Каннского фестиваля. Даже если не мобильный, а камера стоимостью 1000 долларов – все равно не те деньги, что раньше были нужны. В современных фильмах часто используют вставки с мобильного. Допускается грубое изображение. Нет четких требований, как в советском кино. Солнце, светящее в объектив, раньше считалось техническим браком. Но в фильме «Изи Райдер» («Easy Rider», 1969 г.) впервые использовали блики намеренно, утвердили, как эстетический прием. Его успешно применил наш фантастический оператор Леван Паташвили в фильме «Романс о влюбленных».

Почему советское время оказалось таким плодотворным? Была жесткая цензура, приходилось проявлять изворотливость, чтобы сказать свое слово. Аллегория, иносказание – язык искусства. Фактически тебя побуждали, заставляли заниматься искусством. Больше, чем сам бы мог захотеть.

Вчера услышал анекдот, который очень понравился. Сталина спросили: «Что сделать, чтобы правительство работало лучше?». Он ответил: «Две вещи. Покрасить Кремль в бирюзовый цвет и послать все

Вильнюс. 2013. Фото Майи Деисадзе

правительство на лесоповал». «Почему Кремль в бирюзовый цвет?» – интересуется журналист. «Я так и знал, что со вторым вы будете согласны!».

– Юра, вы так артистично рассказываете. Могли бы пойти в кинематограф и в качестве актера.

– Так я снялся недавно в фильме «Давай насос – 2». Отработал один съемочный день. Изображал шофера-армянина, плохо говорящего по-грузински. Заставили меня ломать язык. За день до съемок напился и взялся за роль на похмельную голову. Понял, что актер не имеет права так расслабляться. Пришлось водить дорогущую белую Тойоту, думать о том, чтобы никого не сбить, и еще произносить текст. Я-то со своей праворульной машиной уже разучился нормально сидеть за рулем. Словом, сложная работа. Но я справился и получил свои 300 лари. Хотелось бы 10 съемочных дней, долги бы раздал.

– Откуда происходит фа-

милія Мечитов?

– На самом деле, это русифицированная фамилия Мечитишвили. «Чити» – «ситец» по-грузински. Приставка «ме» в грузинском языке обозначает принадлежность к профессии: менабде, мекисе, метевзе, меткеве... Стало быть, человек, который имел дело с ситцем. Фамилия родом из села Зерти Горийского района. Очень хочется там побывать. В Зерти встречаются варианты фамилии – Мечитишвили, Мечиташвили... Отец вообще считал себя грузином. А вот мать моя Эмилия, дай ей Бог здоровья, урожденная Маноян.

– Каким запечатлелось в памяти тбилисское детство?

– Я очень любил большую бабушку (диди бабо), Еленочку Васильевну. Урожденная Аكوпова, она была замужем за Кузановым (кстати, такая фамилия – Кузанов – у одного итальянского философа). Бабушка жила в большом дворе на Песках. Там работали потомственные кузнецы: ковали ножки для «буржук». И я с интересом наблюдал

Параджанов. 1979

Софико Чиаурели с матерью Верико Анджапаридзе. 1983

этот процесс. Два кузнеца: один с большим молотком, другой – с маленьким. Не забыть вкус сосисок из закуской, за которыми посылала бабушка. К ним прилагались добротная порция горчицы и черный хлеб.

Собственно оттуда и начинается первый интерес к фотографии. Сосед Гриша Овсян, работавший на киностудии «Грузия-фильм», часто снимал

меня. Сохранилось несколько сделанных им школьных фотографий. Также поспособствовал увлечению фотоделом один наш родственник – Нодар Окрокверцхишвили. Научил всем этим проявителям и прочему. Говорю про возраст восемь – десять лет. Первой, самой старой моей фотографии – 60 лет (надо ее отыскать). Мой двухлетний брат копается в песке совочком.

С матерью. Фото А. Мамулова. 2013

Но с того момента, как я занялся фотографией, и до той поры, когда начал осмыслять ее как искусство, прошло 20 лет.

– Есть ваш замечательный альбом «101 портрет», выпущенный в 2011 году ТВС банком. Что вы отобрали для новой книги «Тбилиси, восьмидесятые. Взгляд из прошлого»?

– Во всех книгах о Тбилиси почти нет людей. В моей большинство – это жанровые портреты тбилисцев. Есть и улицы, и площади. И элементы того, коммунистического времени – памятные доски, Ленин. Возможно, сегодня кому-то это не понравится. Скажут, что Ленина мы не хотим. Как не хотите?

Вот эта маленькая женщина – мой репетитор по математике Надежда Павловна Тумян. Готовила меня к поступлению в институт. Она умерла в прошлом году, в возрасте 92 лет. Хотела в свое время, чтобы я стал ее зятем. Я отшучивался – зачем портить наши прекрасные отношения форматом зятя и тещи!

Или вот снимок, выложенный мной на фейсбук. Сейчас его обнаружил, представляете? Лучезарная девочка в национальном костюме исполняет

грузинский танец на фоне церкви Николая Угодника. 40 лет снимку. В советское время там, в этой церкви, что на Хетагурова, находился склад пластинок. Причем республиканский. Я приходил туда, и в безмолвии, в окружении фресок, покупал «слева» нужные мне диски. Между прочим, самое лучшее приобрел там – Луи Армстронга, «West Side Story», «Саймон энд Гарфункель». Стоили они пять или восемь рублей. И все происходило в церкви. До сих пор храню эти диски.

Мои семейные фотографии, снимки друзей, почтальон из «Ахалгазда комунисти»... И, конечно же, известные личности. Наличие людей, которых вы знаете, важно. У вас имеется собственное представление о человеке, и к своему знанию вы добавляете тот мессидж, что несет снимок. Вот Темур Баблуани в молодости. Каков, да?

Если же выбираешь снимок человека неизвестного, то он должен быть убийным, сверхсильным. По моим наблюдениям, человек, многое испытавший, становится очень фотогеничным.

Этот фотоальбом, допечатанная подготовка, финансируется мэрией нашего города, что очень хорошо. Вот бы еще найти денег на печать!

— Учительнице математики не удалось заполучить вас в зятя. Но настал момент, и вы сами связали себя узами Гиеня, причем пребываете в браке 50 лет. У кого же получилось?

— Мне нравились разные девочки в классе. Но в какой-то миг я посмотрел на Тамилу другими глазами. Кажется, стоял август, она приехала с моря загоревшая. Мы жили практически на одной улице. Вообще я плохо себя вел, например, обмакивал кончики ее косичек в чернильницу... Рано поженились – в 19. Сейчас из-за карантина так много семей разводится. А мы даже не ругаемся. Дочка из Англии звонит, спрашивает: «Вы там как, не ругаетесь?». Говорю: «Нет, тем более, когда ты нам деньги присылаешь» (смеется – М.А.).

Для мужчины брак – слож-

ная история. Он по природе ветреный человек. Если же он во всем правильный, все делает, как надо – значит, он ничем не интересная личность. Даже изменить не может (смеется – М.А.).

Читал как-то «Караван историй». Как нашкодивший Джек Николсон прятался от жены, потому что та хотела его убить. И думал, как этот великий актер, снявшийся в стольких фильмах, миллионер или миллиардер боится жены. Но это на самом деле грозная сила!

– Вы шутя умеете говорить о серьезных вещах.

— На занятиях с учениками обязательно рассказываю анекдоты. Я – большой поклонник Ошо, а тот все лекции сопровождал анекдотами. Как у Тютчева? «Мысль изреченная есть ложь». То есть все, что мы скажем, уже неправда. Потому что мы не можем охватить сложность этой жизни одним, двумя словами, даже большим томом. Помните, прутковское «нельзя объять необъятное»? Собираются эксперты, часами что-то обсуждают. Анекдот же двумя-тремя словами проникает в суть явления. У Пушкина мне нравится «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Философски совершенно правильно.

– Юра, чему в первую очередь учите своих учеников?

— Умению видеть. Раньше существовали фотокружки (во

С Марком Поляковым .1985

Дворце пионеров, на Центральной станции юных техников, что располагалась рядом с нынешним Кидобани, левее памятника Церетели). Но там учили снимать, проявлять, получать изображение. Каким оно выйдет – до таких подробностей не доходили. Само изображение получить было проблемой. Много манипуляций проделать, и эта химия, химия, химия... Сейчас получить изображение ничего не стоит. Каждый может – одним нажатием кнопки мобиль-

С Майей Деисадзе. Фото Владимира Коржа

Дочки Яна и Лада. 1981

ного. И кошка может нажать кнопку. Но разве то, что японцы вложили в камеру, достаточно для хорошей фотографии?

Есть предметная фотография, оставим творческую, черт с ней. Во всей Грузии, может, человек пять снимут как надо бутылку вина. Те, с кем я работал, платили за чисто технический снимок винной бутылки, даже не художественный – 200-300 долларов. Но не нам, а когда заказывали в Москве.

Когда снимаешь портрет, тут 90 % взаимоотношения. Загляните на мою фейсбук-страницу: недавно выложил портрет театрального критика Лаши Чхартушвили с дочерью. Сразу оброс множеством лайков.

Преподаю больше 30 лет. Начал в 1989 году. Фотография – это твоё послание, мессидж. Ты высказываешь снимком свое отношение к жизни. Больше того, ты указываешь тому, кто смотрит: гляди в этот прямоугольник. Мы же видим окружающее без рамок. Рамка – изобретение человека, ее нет в природе. Как нет и прямоугольника. В природе более сложные формы – тетраэдры, октаэдры.

Манглиси. 1987

Минералы имеют такие геометрические формы. Говорю, как горный инженер по специальности.

– Есть способные ученики?

– Обычно мы с Майей Деицадзе берем небольшую группу – из 4-5 человек. Чтобы каждому уделить внимание. Но ведем занятия не только здесь, в студии (на Абашидзе обитаем третий год). В театральном институте преподавали четыре года. Группе из 22 человек. Не все из них метили в фотографы. В итоге выпустили девять человек. И три из них действительно профессионально занялись фотографией – Зура Картвелишвили, Ираклий Долидзе, Леван Кинцурашвили. Работают в журналах, агентствах, снимают свадьбы. Последнее, кстати, требует особого мастерства. У нас есть отдельный курс – «свадьба».

– Продолжаете снимать каждый день?

– Конечно. Хотя я могу вообще больше ничего не снимать. Много сделано, и все это требует обработки. Мои лекции начинаются со слов: «фотограф не тот, кто снимает, а тот, кто отбирает». Цифровая техника позволяет делать ежедневно огромное количество снимков. Но нет времени на осмысление снятого. Первая проблема цифровой фотографии: не успеваешь обработать, стало быть, не ценишь. Раньше все давалось с трудом и больше ценилось. И рискуешь упустить действитель-

но уникальный снимок. Может, в нем что-то заложено, и нужно просто убрать цвет. Превратить его в черно-белый. И эта вещь «выстрелит». Важно еще одно обстоятельство. У грузин есть на этот счет прекрасная поговорка: «хорошему рассказчику нужен хороший слушатель». Ведь если слушателя нет, послание не состоится. Или он не прочтет его язык. У фотографии свой язык.

– Вам ли на это жаловаться? Ваши фотографии давно завоевали сердца.

– Есть первый слой, второй слой, одни это видят, но дальше не идут. Другие же добираются до глубинных слоев. Само собой, чтобы дойти до глубин, нужно иметь и жизненный, и фотографический опыт.

Вспомнил анекдот про слух. На симфоническом концерте сидит завсегда, большой ценитель. Внимает взволнованно, с прикрытыми глазами. Вдруг встрепенулся и обращается к соседу справа: «Это вы сказали – «...твою мать»?». «Нет». К соседу слева – «может вы?». «Нет». Закрыв глаза и успокоившись, произносит: «Значит, музыкой навеяло».

– 14 лет назад, когда готовилась книга «Сергей Параджанов. Хроника диалога» вы мне рассказали удивительную историю. Как Параджанов устроил вам проверку, предложив выпить чай. Принес два стакана – обычный граненый и китайскую фар-

форовую чашку. Вы из скромности выбрали граненый, сказав, что все равно, из какой чашки пить чай. Параджанов не на шутку разгневался – слишком сильно в нем было чувство красоты.

Признаюсь, эта история настолько запала мне в душу, что делать выбор в пользу прекрасного стало необходимой привычкой, принципом жизни... Вы провели с Параджановым 12 лет, общались буквально каждый день, работали на фильмах, ездили в поездки. И говорите, что многое от него переняли.

– Подождите, я подарю вам открытки из той книги. Да, замечаю повадки Параджанова в себе. Но полностью играть роль Сержика не получается. Вот интересная история. Сидит Сергей Параджанов вместе с Андреем Тарковским в квартире Юры Барабадзе и Нелли Долидзе. И говорит Тарковскому: «Андрей, ты талантливый режиссер, но не гениальный». У Тарковского поднимаются брови, в глазах вопрос. Работает вся мимика. Сергей продолжает: «Потому что ты не голубой (гений употребил более крепкое слово – М.А.) и никогда не сидел в тюрьме».

Мне тоже поэтому далеко до гениальности.

«Хлеб». 2019

Про чувство эстетики, кстати. У меня любимая группа «Джедро талл» (Jethro Tull). Недавно записал несколько песен для соседки. У нее проигрыватель, который она ласково называет «Бекека». Производное от аббревиатуры. Прихожу, а Бекека испортилась, выдает мелодию с большей скоростью. «Вот, Юра, слушаю, наслаждаюсь», – докладывает соседка. Меня коробит, выдержать, вынести этот искаженный звук не в силах. «Выключи, сейчас же!» – кричу ей. Как так можно издеваться над музыкой?!

– Вас также сопровождают скандалы...

– Самый главный, скандал скандалов, когда я был замминистра культуры. Полтора года назад произошел еще один, достаточно серьезный. После него меня больше не зовут на дебаты. И сейчас моя роль в обществе сведена к минимуму – к преподавательству. Конечно, мне этого не хватает. Потому что мне всегда есть что сказать по поводу происходящих на моей родине явлений, событий. Часто незнакомые люди задают мне на улице вопрос: «Юра, почему вас не видно?» И раньше подходили, благодарили за мою позицию.

Портрет Ирэны Оганджановой. 2019

– Как отводите душу, помимо любимой работы? Что вас умиротворяет?

– У меня есть садик. В корпусе живу, на первом этаже. Правда, сторона северная. Мы с женой посадили мушмулу, виноград, вишню, инжир, смородину. Так повелось, что у нас дома никто не выбрасывает ничего из органики. Овощные очистки, скорлупу яиц – все закапываем в землю. Надо любить и беречь природу.

Хожу с пинцетом и собираю сигаретные окурки, которые кидают сверху мои нерадивые соседи. Правда, сейчас меньше стали бросать. Им тоже неудобно. Видят, что человек стареется, работает в саду каждый день.

– Какое определение дали бы жизни сейчас?

– Маркс сказал: «жизнь – борьба». Когда человек рождается, он уже проходит путь препятствий. Я нелегко живу. Но в этом и есть прелесть жизни.

ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО ШЕКСПИРА

Как приятно поздравлять красивого, доброго и талантливого человека! Потому что не нужно выдумывать какие-то эпитеты и славословия. Они и так на устах, когда речь идет об актрисе Инне Воробьевой. Она появилась в театре Грибоедова еще в пору художественного руководства Гоги Кавтарадзе – а это были 90-е, и очаровала своей внешностью. А когда сыграла нежную Кити в «Анне Карениной» и выпорхнула на сцену в роли Берточки в спектакле «Яма» по Куприну, все сразу признали в ней не только красоту, но и актерское дарование.

У Инны есть ценнейшее качество настоящего профессионала – она умеет быстро собраться, сконцентрироваться и точно выполнить задачу, которую ставит перед ней режиссер. Обладает грудным голосом приятного тембра, красивой, хорошо поставленной сценической речью – а это одно из основных профессиональных средств выразительности актера.

В спектакле Авто Варсимашвили «Кроткая» по фантастическому рассказу Ф. М. Достоевского, в котором Инна много лет играла заглавную роль, на первый план вышли другие компоненты и средства характеристики образа – пластика, мимика, сценическое действие. Во время поездки грибоедовцев со спектаклем «Кроткая» в город Саранск, на международный фестиваль «Соотечественники», театральная критик Р. Кречетова отметила именно пластический рисунок роли: «У актрисы очень чистая, графически выразительная пластика в молчании. Я всегда думала, что зритель чутко реагирует на настоящее в человеческих отношениях или в каких-то проблемах. И в первый раз на спектакле тбилисцев я увидела, что зритель реагирует на пластическую выразительность сцен».

Были и другие интересные роли, полюбившиеся зрителям: астафьевская Людочка из «Russian блюз» – смиренная жертва жестокого мира; готовая на смелые эксперименты, дерзкая Ирма из «Мистификатора»; чистосердечная, открытая Катя из володинских «Пяти вечеров»; одинокая и недоверчивая, с не сложившейся судьбой Макарская из вампиловского «Старшего сына»; экстравагантная мисс Кэйсуэлл из «Английского детектива» Агаты Кристи; прошедшая через лагерный ад Женщина из спектакля «А.Л.Ж.И.Р.» (за эту работу Инна вместе с другими участницами театрального проекта получила приз имени Верико Анджапаридзе). Инна много играет в сказках.

Инна приняла участие в совместном международном проекте Грибоедовского театра и Ереванского ТЮЗа – спектакле «Король Лир» в постановке армянского режиссера Акопа Казанчяна. Проект был приурочен к 450-летию со дня рождения У. Шекспира. Воробьева прекрасно сыграла в спектакле роль Гонерильи. К тому же Инна не ограничивается театром – снимается в кино, успешно занимается озвучиванием.

От души поздравляем замечательную актрису, красивую женщину с юбилеем, желаем ей счастья и процветания!

На съемках фильма «Шестой»

ЗАБУДЬТЕ СЛОВО «СМЕРТЬ»

■ **Нина ШАДУРИ**

В некоторых племенах североамериканских индейцев существовала любопытная традиция – они «фотографировали» воспоминания с помощью запахов. Индеец носил на поясе герметичные коробочки с разными ароматическими веществами, и, когда в его жизни происходило какое-либо радостное событие, он открывал одну из коробочек и вдыхал аромат. И потом, спустя годы, когда он вдыхал тот же самый запах, перед его глазами вставала счастливая картинка из прошлого.

Самвел Гаспаров прожил насыщенную, яркую жизнь и оставил после себя много удивительных «коробочек», которые будут напоминать о нем долго-долго.

Дочь Нино. Замечательные картины «Забудьте слово «смерть», «Шестой», «Хлеб,

золото, наган», «Без особого риска», «Координаты смерти», «Как дома, как дела?»... Организованный им в 1993 году концерт Майкла Джексона в Москве. Неразрешимые, казалось бы, проблемы его близких, знакомых и даже не очень знакомых людей, которые он решил. Незабываемые истории, рассказанные в дружеском кругу. Множество подарков, бережно хранимых его друзьями (и кто знает, радовался ли больше тот, кто получал подарок, или все-таки тот, кто дарил?).

Вместе с Анной Николава, племянницей Самвела Владимировича, актрисой Тбилисского русского театра имени Грибоедова, мы откроем несколько «коробочек» с ароматами прошлого, чтобы перед нами предстал живой образ неповторимого человека, верного друга,

прекрасного кинорежиссера, надежного мужчины – Самвела Гаспарова.

– Я не могу употребить по отношению к дяде Семе слово «был». Это просто невозможно. Он для меня – есть и будет. Он не всегда физически находился рядом, потому что жил в Москве, но в то же время он всегда находился рядом, понимаете? Это человек, который появлялся сразу же, когда тебе было трудно. И ты знал: что бы ни случилось в твоей жизни, ты можешь позвонить в любой момент дня или ночи, и тебе помогут. Это было нормально и естественно, и по-другому быть не могло.

Родственников не выбираешь, и они бывают разные. И то, что дядя Сема – мой дядя, это тоже условность, дяди тоже могут быть разные. Он был надежным верным взрослым другом, хочешь дядей его называть, хочешь дедушкой.

Не знаю, что стало отправной точкой его сознательного решения стать кинорежиссером, но, думаю, на него не могла не повлиять необыкновенная история нашей семьи. Это, кстати, очень

Владимир Гаспаров и Анна Межлумян

заметно по его картине «Как дома, как дела?», которую он вынашивал очень долго – для него было важно снять картину про Тбилиси, про свое детство, про родителей. Он даже хотел снимать именно в нашем дворе по улице Пурцеладзе, 14, на том самом балконе, где вырос, но, увы, не удалось договориться о съемках с новыми жильцами.

Сема (я буду называть его именно так, как все его и называли) родился за три года до начала Великой Отечественной. Отец, мой дедушка, в первые же дни войны ушел добровольцем на фронт. Через год пришла похоронка. В то, что он погиб, поверили все, кроме моей бабушки и Семы. Маленький Сема все время высматривал на улице своего отца. И часто, присмотревшись к кому-то, говорил – папа идет, папа идет... Моя бабушка и ее свекровь жили на одном балконе «итальянского» двора. И свекровь все время пыталась выдать свою невестку замуж. Она говорила: «У тебя двое сыновей, тебе нужен мужчина, который поможет тебе поставить их на ноги». А бабушка отвечала: «Нет, я не выйду замуж, я знаю, что он жив, я его дождусь». Бабушка и Сема оказались правы – дедушка не погиб. Он вернулся домой в 1946 году. Перед тем, как вернуться, конечно, прислал письмо, понимая, что

неожиданное появление может вызвать шок. Мой второй дядя, Эдик, никогда прежде не видел своего отца – он родился после того, как тот ушел на фронт, но, когда в один прекрасный день в наш двор зашли двое военных, этот пятилетний малыш вдруг спросил: «Мама, который из них мой папа?»

Оказалось, что деда тяжело ранило, и он попал в плен, прошел через концлагеря – его все время перебрасывали из лагеря в лагерь. Он никогда ничего об этом не рассказывал, не смотрел фильмы про войну и терпеть не мог лай собак.

Я деда не застала, но мама рассказывала, что у него вся спина была, как решето, – столько было шрамов от ранений. Моя мама, Алла, родилась уже после возвращения дедушки...

Он не раз повторял моей бабушке: «Меня спасла твоя любовь». Дело в том, что участницу Гарибальдийской бригады, которая помогла ему бежать из итальянского концлагеря, звали Анна, как и мою бабушку, и он видел в этом какой-то символ, знак того, что жена Анна ждет его. Они потом долго переписывались с итальянцами, пока Сталин не запретил переписку с иностранцами. У нас до сих хранятся фотографии и открытки от итальянской Анны.

Думаю, что все это повлияло на Сему. Романтиком его назвать нельзя, но он был на-

столько восприимчивым и глубоким человеком, что в каждой мелочи мог усмотреть какую-то другую глубину.

Во ВГИК Сема поступил не сразу. Тогда условия были довольно жесткие – надо было или иметь стаж работы, или получать во ВГИКе второе высшее образование. И Сема после школы пошел в армию. Там с ним управиться не могли – из-за его потрясающего чувства юмора. Например, однажды полковник приказал: «Рядовой Гаспаров, привести танк!». И что сделал Сема? Он договорился с сослуживцем, привязал к танку веревку и явился к полковнику, ведя танк на веревке.

Вернувшись из армии, Сема очень много работал: дальнотбойщиком, каскадером, писал рассказы, был ассистентом режиссера на картине Ланы Гогоберидзе, где познакомился и подружился с Лией Элиава. И она ему сказала: «Когда ты станешь режиссером, позови меня на любую роль, я сыграю». И действительно, спустя двадцать лет в картине «Как дома, как дела?» она сыграла небольшую роль соседки Мари. Кстати, моего прадеда в этом фильме играет Рамаз Чхиквадзе, а бабушку – Ия Нинидзе. Премьера картины состоялась в Тбилиси, в Доме кино. На почетном месте сидела, конечно, моя бабушка, потому что это было посвящение ей. Дедушки, к со-

Самвел Гаспаров в школьные годы

С Лией Элиава

жалению, уже не было в живых.

Из интервью Самвела Гаспарова: «В 1987 году я снял картину «Как дома, как дела?» – единственная моя картина, где не стреляют. Это фильм о Тбилиси, о моем детстве. Но такие фильмы сейчас не нужны, потому что это фильм о том, как папа любит маму, мама любит папу, а дети любят своих родителей. Если бы у меня в картине папа был алкоголик, мама – проститутка, а дети – наркоманы, то она, наверное, имела бы успех. А пока этот фильм лежит у меня на полке до лучших времен».

Он работал все время. Мои родные вспоминают, как 17-летний Сема приходил домой, выворачивал карманы и выкладывал на стол все, что заработал. «Оставь себе, ты молодой парень, тебе нужнее», – говорили ему. «Нет, нет, это все вам, вам, – отвечал он. – Я о себе как-нибудь позабочусь». Это была его главная черта – все для близких, лишь бы им было хорошо. Он даже не чувствовал, что чем-то жертвует, настолько это было для него естественно. Он не мог жить иначе. В этом и был смысл: заработать не для того, чтобы заработать, а для того, чтобы отдать.

Сема мечтал только о кино, бредил им. Он твердо знал, что хочет быть именно кинорежиссером и никем иным.

На вступительном экзамене во ВГИКе Михаил Ромм задал абитуриентам вопрос: «Как вы представляете себе свою

маму?» Сема ответил: «Окно, керосиновая лампа, мама вышивает, а на нижней губе у нее – нитка». Бабушка действительно очень хорошо вышивала и делала это по ночам... Второе задание Ромма звучало так: признайтесь своей девушке в любви. Сема взял телефонную трубку, набрал номер, молча постоял, положил трубку и пошел на свое место. «Вы куда?» – спросил Ромм. «Там занято», – ответил Сема. Он единственный из всех получил «пятерку».

Из интервью Людмилы Артемовой-Мгебришвили, заслуженной артистки Грузии, ведущей актрисы Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова журналу «Русский клуб»: «С Семой мы учились во ВГИКе на параллельных курсах: он – на режиссерском у Михаила Ромма, я – на актерском у Бориса Бабочкина. У нас было много заметных студентов, которые затем получили широкое признание и большую популярность, но Сема был не только очень талантливым, но и самым ярким, самым харизматичным. Его, без преувеличения, обожали все, он был любимцем всего ВГИКа! Роскошный, очень элегантный, с потрясающим телосложением, в американском джинсовом костюме, в кепке, которая потом стала его «фирменным» знаком, это был настоящий Бельмондо, только очень красивый. Он излучал безмерную доброжелательность по отношению к каждому человеку. Я не помню, чтобы Сема просто поздоровался – он обязательно говорил еще и какие-то приятные слова, и после любого разговора с ним на душе всегда оставался очень теплый след. Он пользовался огромным успехом у слабого пола, но мужчины ему даже не могли завидовать, настолько он был естественен и дружелюбен. Я испытывала к нему необъяснимое родственное чувство, и, думаю, здесь проявилась моя интуиция: спустя много лет в наш театр пришла юная артистка – Анна Николава, племянница Семы. Я стала ее крестной матерью, а мы с Семой, таким образом, – родственниками. Мы до последнего регулярно созванивались. Никогда не забуду,

как он меня поддерживал, когда заболел, а потом ушел из жизни мой муж... Мне очень больно осознавать, что Семы нет, и я даже не могу этого осознать до конца – у него было много планов, он с оптимизмом смотрел в будущее. Жить бы ему еще да жить...».

Дипломную работу Сема снимал вместе с Тенгизом Абуладзе – это была картина «Ожерелье для моей любимой». На премьеру в Москву мои бабушка и мама полетели вместе. И Тенгиз Абуладзе, обращаясь к бабушке, сказал: «У вас гениальный сын».

Потом он по распределению попал на Одесскую киностудию, а через несколько лет вернулся в Москву и начал работать на киностудии имени Горького.

Из интервью Самвела Гаспарова: «Я очень люблю приключенческий жанр. Я вырос в

В студенческие годы

С дочерью Нино

Тбилиси в послевоенные годы. Мы ходили в очень маленький кинотеатр – «Дом учителя». Там помещалось от силы два грузинских двора, и у всех были свои ряды. Мы смотрели «Знак Зорро», «Таинственный беглец», «Мститель из Эльдорадо», «Башня смерти» – я воспитан на этих картинах. После окончания ВГИКа я сперва сделал «Дальнобойщика», потому что сам был дальнобойщиком. А потом ушел в приключенческий жанр».

Знаю, что ему предлагали снимать в Голливуде. Он сомневался, и эти сомнения во многом были связаны с тем, что он никогда не пользовался спецэффектами, считая, что все трюки должны выполнять каскадеры. Если машина должна взорваться, то должна взорваться настоящая машина. При таком подходе, помимо того, что необходим особый бюджет, нужно и большее количество времени. И я помню, он не был уверен, что уложится в четкий график съемок, и отказался.

Из интервью Самвела Гаспарова: «Мои постоянные друзья

и соратники, мои каскадеры, с которыми я всегда работаю, – это Саша Филатов, Олег Коротин, Юра Сысоев... Мы сделали с ними картин шесть или семь. Сейчас любой человек, который может спрыгнуть с табуретки, считается каскадером. А тогда были ребята очень сильные, энтузиасты и мастера своего дела. Они живут этим. Чем сложнее трюк, тем им интереснее. Помню, на площадку приехали иностранцы, и пришли в ужас, когда увидели трюк, во время которого прямо на железнодорожном пути лошади на бешеной скорости делают подсежку. В Голливуде шпалы и рельсы – резиновые, лошадь – специально обученная, а у нас – все по-настоящему. На съемках фильма «Хлеб, золото и наган» произошел такой случай. Герой актера Владимира Борисова, чтобы остановить поезд, выводит на рельсы автомобиль, который потом должен взорваться. Пиротехник положил взрывпакет под сиденье машины, но взорвал его до того, как артист выскочил из машины. Борисов взлетел в воздух метра на четыре. Все обошлось, но пиротехника я избил. На мое письмо с просьбой заменить пиротехника с киностудии пришел ответ: «Другого нет, воспитывайте». Вот я и воспитывал. Как Макаренко».

На съемочной площадке

ный стол все время накрыт, кто-то играл на пианино, кто-то пел, и весь двор заглядывал в наши окна. Но я не могу сказать, что это были застолья в грузинских или армянских традициях. Еда и выпивка были как бы приложением к веселью, общению, песням, рассказам, смеху... Не помню Сему произносящим классические тосты, хотя он всегда был душой любой компании. Да, именно так – не тамада, а душа компании.

Из интервью Самвела Гаспарова: «Уходя из Вьетнама, американцы оставили огромное количество техники. Легче было получить настоящий самолет, чем делать комбинированный кадр. И вот нам доставили огромный грузовой вертолет, который должен был поднять в небо реактивный самолет и сбросить его в определенной точке, а мы – все это снять. Вертолет сбросил самолет, но он не спланировал, как мы предполагали, а упал, как утюг, совсем в другой точке, за длинным забором, на котором было что-то написано по-вьетнамски. Мы с оператором Филипповым перемаршируем через забор, бежим к самолету метров 200, чтобы его заснять, и тут самолет начина-

ет взрываться, как бенгальские огни. Оказалось, он был нашпигован боевыми снарядами. Мы бросились на землю, а это тоже ужасно, потому что во Вьетнаме земля кишит всякой гнусью – скорпионами, пауками, фосфорическими гусеницами... Мы лежали, пока все это не отгрохотало, а потом вернулись обратно, снова перелезли через забор, и там нас встретили вьетнамские коллеги с глазами, полными ужаса. Как оказалось, надпись на заборе гласила: «Внимание! Минное поле!» Мы пробежали 400 метров по минному полю. Бог спас».

Знаменитая история – концерт Майкла Джексона в Москве. Несмотря на то, что предложение исходило от самого Джексона, Сема долго не мог решиться – это требовало колоссальных финансовых затрат. Райдер был безумный. Например, в отеле по требованию Джексона газовые плиты заменили на электрические, стены в его номере украсили не картинами, а изображениями Тома и Джерри, купили сотни велосипедов, чтобы его персонаж передвигался по стадиону... Но закончилось очень плохо –

Сема разорился. Было сделано все, чтобы сорвать концерт. В прессе сообщили, что вместо Джексона выступит двойник, который будет петь под фонограмму, одно за другим поступали ложные сообщения о заложенных на стадионе бомбах, пустили слух перед концертом, что кто-то из членов команды Джексона привез наркотики, и

С Михаилом Пуговкиным

Эдуард, Алла и Самвел Гаспаровы

приехала милиция, за кулисы пришла Джуна Давиташвили и сказала, что он не должен сегодня выступать, потому что 15 сентября – его день дьявола, и он сломает позвоночник, в транспорте, во всех торговых центрах крутилось объявление о том, что из-за плохой погоды концерт отменяется, и надо сдать билеты. Те, кто купили билеты, сдали их, а кто собирался купить – не купили...

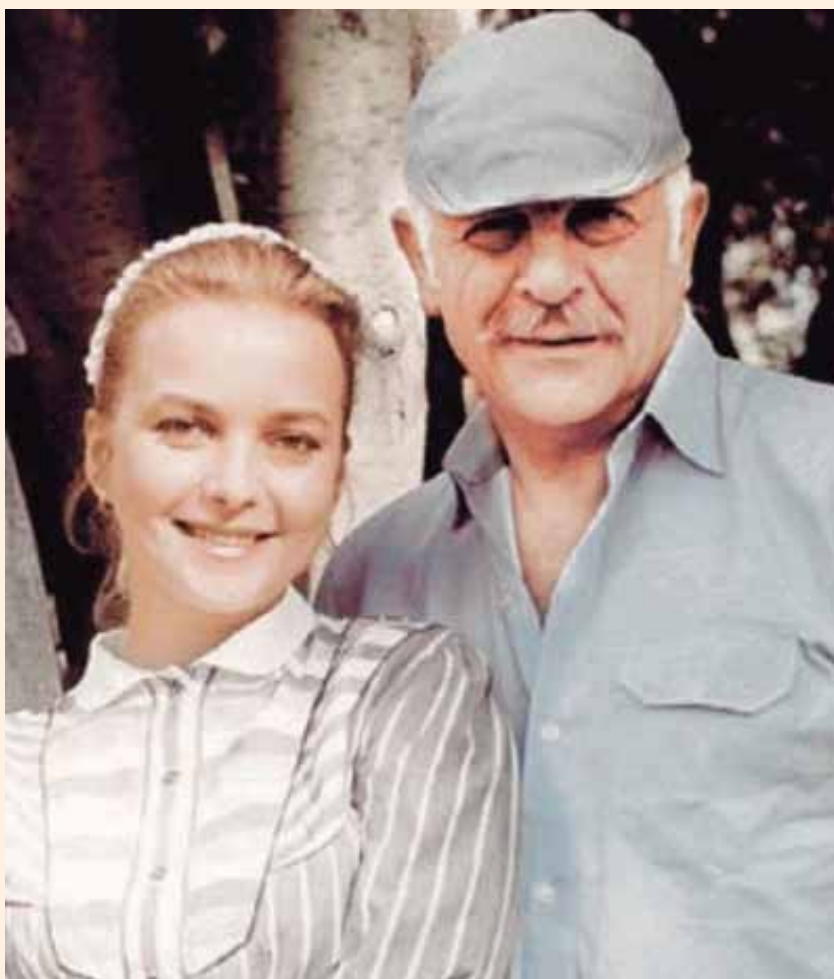
Из интервью Самвела Гаспарова: «Я первым привез в Москву Майкла Джексона. И потерял на этом миллион двести тысяч долларов за одну ночь. Меня просто сожрали. Восстал весь продюсерский мир нашего шоу-бизнеса... Я был весь на нервах, понимал, что все потерял, но деньги меня уже не волновали, я хотел сделать концерт! И вдруг в этой суматохе ко мне подходит женщина, вся в слезах, с портретом Джексона, нарисованным детской рукой, и говорит: «Это рисовал мой ребенок, он почти слепой, и он очень хочет получить автограф». Я взял рисунок и пошел к Джексону. Выслушав меня, он сказал: «Вы – сумасшедший, концерт провалился, а вы беспокоитесь из-за какого-то ребенка!» – «Плевать на концерт!

Ребенок слепой! Может, завтра он прозреет от счастья, что вы, расписались на его рисунке!» Он расписался, и я отдал рисунок матери. После этого эпизода Джексон сказал, что обязательно будет петь, хотя его смущал полупустой стадион. И тогда я послал своих ребят: «Открывайте ворота, приглашайте всех на бесплатный концерт Майкла Джексона». Увидев, как народ толпой ворвался на стадион, Джексон поднялся и пошел к сцене... Кстати, гонорар за выступление он не взял. На концерте я не остался: кто-то мне дал водки, я ее выпил прямо из горла, как холодную воду,

ния. Никогда не забуду этого. Наташа не только жена, она – настоящий друг, рядом с которым ничего не страшно».

Сема был старше Наташи на 20 лет, но эти отношения стали для него подарком судьбы. За несколько дней до смерти он звонил Наташе из больницы и спрашивал, не нужно ли ей чего-нибудь, все ли у нее в порядке, все ли хорошо у друзей, не требуется ли кому-то помощь...

Меня успокаивают тем, что ему был 81 год, не скажешь, мол, что рано ушел. Но дядя Сема ушел именно рано! Он никак не соотносился со своим

С супругой Натальей Вавиловой

и поехал домой. Нервы были на пределе. Дома сказал: «Наташа, я все проиграл!» – «Сема! – ответила она. – Ты выиграл! Концерт идет! А на деньги плевать! Если будет нужно, все продадим и расплатимся с долгами». Я не услышал ни одного слова упрека в такой ужасный для нас обоих момент разоре-

возрастом – ему было не 81, а гораздо, гораздо меньше!

Говорят, незаменимых нет. Может быть. Но есть неповторимые.

Фото из архивов Нино Беришвили, Натальи Вавиловой и семьи Гаспаровых.

«СТАРАЮСЬ ДЕРЖАТЬ ПЛАНКУ»

Вот уже 16 лет, как Жанна Новикова служит главным администратором театра имени Грибоедова. Хотя, казалось бы, ей была уготована совсем иная стезя.

Она страстно, всей душой обожала (да и сейчас обожает!) балет, успешно окончила хореографическое училище, но из-за травмы занятия балетом пришлось оставить. Жанна – дипломированный преподаватель музыки, выпускница музыкального техникума по классу фортепиано. Она не долго проработала по специальности – вышла замуж и посвятила себя мужу и дочери. Много лет проработала в проектно институте «Грузгипрогорстрой», в тяжелые 90-е годы уехала к дочери в Москву, а потом вернулась в Тбилиси и почти сразу же попала в Грибоедовский театр.

Когда-то композитор Тенгиз Джаиани назвал ее «маленькой хозяйкой большого дома», и она с удовольствием приняла это «звание», прежде всего, потому, что оно соответствует действительности – эта маленькая женщина с железным характером за многое отвечает лично. Ей до всего есть дело – от расклейки афиш до подготовки зала для репетиций и спектаклей, от чистоты в помещениях театра до внешнего вида капельдинеров. «Я считаю, что главный администратор и капельдинеры – это своего рода визитная карточка театра, – считает Жанна. – Нас зритель видит первыми, и мы стараемся держать планку».

Что уж тут скрывать, в отношении к подчиненным она очень строга и очень требовательна. Иногда даже кажется, что чрезмерно. Но, как говорит сама Жанна, прежде всего она требовательна по отношению к себе.

Жанна признается, что не представляет своей жизни без театра Грибоедова, и продолжает ему служить – каждый день, со всей страстностью и непоколебимостью своей натуры.

Поздравляем Жанну Новикову с круглой датой и сердечно желаем здоровья, благоденствия и всего самого-самого доброго!

АЗИАТСКИЙ СОНЕТ

■ Семен ЗАСЛАВСКИЙ

Далекой зимой 1980 года я жил и работал под Севастополем около села Штурмовое. Вместе с замечательным археологом Колей Тарасенковым раскапывал некрополь так называемых «катакомбников», чей язык неведом, а время существования совпадает с легендарной эпохой создания гомеровского эпоса.

Всем, кто занимается раскопками, известно это острое чувство родства с теми, кто давно погребен в нашей земле. «Его зарыли в шар земной» – эта поэтическая строка Сергея Орлова напоминает не только о солдатах Великой Отечественной, но говорит и обо всех живших и умерших, а также и тех, кому предстоит умереть.

Никакой человеческий прах не может быть чужим, вот о чем говорили мы с Колей вечером после работы в бревенчатом вагончике, сотрясаемом штормовым ветром с моря, со стороны Карантинной бухты.

По воскресеньям к нам приезжали друзья, к сожалению, ныне покойные – Гена Шнайдер и Коля Ковалевский. Однажды за обедом, который заканчивался крепким чаем с водкой, Гена как-то обмолвился о странной связи сонетов Петрарки с землей Крыма, хотя в Крыму великий итальянец никогда не бывал. Дрогнуло у меня сердце, когда я услышал от Гены, что великая чума 1648 года попала в Италию из Кафы (Феодосии).

И все же этот, можно сказать, геополитический этюд лишь через 20 лет осветила молния замысла под зимним крымским небом 1999 года.

Стихотворение «Музыка зимнего моря» предшествовало прозе и являлось, пожалуй, скрипичным ключом сочинения под названием «Азиатский сонет».

Музыка зимнего моря
с грохотом пыли и пены,
соленой и гулкой.
С чистым и свежим
дыханием первого снега
в сиреновом небе.
С разрывами ультрамарина,
когда раскрываются
новые венецианские
окна
промытой и звонкой лазури.
Музыка зимнего моря.
Мой день уходящий
и свет предвечерний
на скалах прибрежных...
Там, на скалах прибрежных
Золотая медуза декабряского солнца
Близоруко прищурилась в алом тумане...
Там, на ткани
темно-лиловой

в свечении зеленоватом
 появляется юный полумесяц
 и растет с убывающим закатом.
 Там ликуют и скачут, и резвятся
 серебристые кузнечики – Пляды
 ...Но владычица – Венера
 бросает ревнивые взгляды
 на мерцающие Волосы Вероники.
 И вечерняя заря заходит
 и быстро меркнет.
 И на этом свете
 все тихнет.
 Лишь богиня случайности
 Тюхе
 взирает на Землю
 пустыми глазницами
 белой
 античной
 маски.
 17.12.99

АЗИАТСКИЙ СОНЕТ

Б. Фельдману

И раскрывается цветок
 В глубинах нежной Евразии,
 И не страдая косоглазием,
 Глядит на Запад и Восток.

Это стихотворение является вступлением или увертюрой к давно задуманной композиции о людских страстях, бушевавших в середине нашего тысячелетия, означенного среди прочих грозных событий мировой истории пандемией чумы 1348 года. Эта чума, как ни странно, сблизила между собою весьма далекие и различные миры. На Западе и на Востоке в ненасытимое жерло ее оказались втянутыми люди, незнакомые друг с другом, но далеко во все стороны света извергнутые взрывом этой всемирной беды.

1

Существует обширная категория явлений, которую мы называем действием спускового механизма, когда незначительная причина вызывает громадный эффект.

*Джордж Томсон, физик,
 лауреат Нобелевской премии.*

В замечательном исследовании Эдуарда Кульпина «Золотая Орда» я прочитал о том, что распространителем чумы в степи является полуденная песчанка из отряда грызунов. Живо представил себе этого маленького юркого зверька, его могучую страсть к размножению, которая так значительно уменьшила людские ресурсы огромной степной империи от Каракурума до Сарая, и более того, повлияла на судьбу всей восточной и западной Европы.

...В 1326 году синьор Франческо Петрарка возвратился в город Авиньон из Болоньи проводить в последний путь своего отца, флорентийца Петракколо ди Паренцо. Это была, пожалуй, первая в его жизни смерть близкого человека, но, несмотря на вполне понятные скорбь и тоску

Полуденная песчанка

по покойному отцу, он был молод, полон неясных надежд и предчувствий, какими нас всегда прельщает юность, и его сердце «молодым горело желаньем», как писал в своей Эклоге горячо любимый им Вергилий.

И случится так: через год в 1327 году, шестого апреля, опять же в Авиньоне он увидит в портале церкви Святой Клары прекрасную женщину, имя которой будет навеки прославлено его божественными сонетами.

Через двадцать один год в 1348 году шестого апреля утром эта женщина умрет от чумы, занесенной в Европу из Крыма генуэзскими негодянтами.

...Полуденная песчанка шевелит усиками на рассвете, глядя на багровеющую пустыню Великой Степи...

2

После распада Советского Союза, так внезапно рухнувшего на наших глазах, многие историки пытаются обнаружить генетический код этой детонации, неизбежно уничтожающей все великие империи мира, одной из которых была когда-то Золотая Орда. ...Ведь это было огромное государство, как писал уже упомянутый Кульпин, «...в границах, много превосходящих античный римский мир – Pax Romana. Это объединение означало не просто одномоментно резкое (в сотни раз) увеличение обмена информацией, знаниями, генетическим фондом, накопленным дальневосточной, ближневосточной и европейской цивилизациями, но почти на столетие стабилизацию интенсивного, предельно возможного при тогдашних средствах сообщения обмена. Люди Европы получили возможность безопасно путешествовать по огромным пространствам Евразии и использовали эту возможность в политических и коммерческих целях. Факт остается фактом: Золотая Орда была мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и других видов обмена...».

Но все рожденное временем, уничтожается

им же. Гибели Золотой Орды предшествовала «великая замятня» – жестокая гражданская война всех против всех в опустошенной чумой степи.

Далее, анализируя это Смутное время в Золотой Орде, Кульпин пишет о криминализации общества, ослаблении центральной власти, эмиграции ученых и образованных людей в Египет, об общем падении уровня хозяйственной и политической жизни из-за того, что татары утратили возможность контролировать международную торговлю на значительном протяжении Великого Шелкового Пути.

И мы, свидетели иного Смутного века, хотя бы отчасти можем понять и проникнуться сочувствием к судьбам самых разных известных и неизвестных людей того времени, которые очутились «в книге рока на одной строке».

3

В 1917, роковом для Российской империи году, симферопольский ученый Колли перевел на русский язык некоторые главы из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в средние века». Речь в этом сочинении шла об итальянских колониях на северном побережье Черного моря, о глубокой и долгой вражде генуэзских и венецианских купцов, домогавшихся абсолютной власти на этой территории, о связях этих купцов с татарскими ханами, которые тогда облюбовали и освоили для жизни эту благодатную землю. И все это происходило в XIV веке. Золотая Орда к этому времени уже начинала распадаться, повторяя, увы, судьбу завоеванной ею Киевской Руси. Остались в прошлом времена централизованного мощного государства, созданного железной волей Чингисхана. Именно в это время китайскими учеными был сделан дословный перевод и записано иероглифами «Сокровенное сказание» – степная «Илиада» тюркских народов. Неизвестный автор этого произведения из глубины своего века предупреждал потомков обо всех ужасах братоубийства и кровавой розни: «небесный свод и звезды свершали свой круговорот, все племена друг с другом враждовали, не зная отдыха, все грабили друг

друга, земля и почва страшно сотрясались, войну вел весь народ...».

Но порядок, установленный Чингисханом в своей стране и армии, порядок, привнесенный им на все завоеванные земли, не мог быть долговечным. Слишком были растянуты коммуникации степной империи, да и полиэтничное население Золотой Орды, в конечном счете, проявило определенные сепаратистские тенденции, стремясь стать хозяином на своей земле. Поэтому, видимо, и образовалось Крымское ханство как особая административно-хозяйственная структура в Золотой Орде и, конечно же, сразу попало в сферу влияния и интересов сначала дряхлеющей Византии, затем начинающей мужать Великой Порты, а также русских князей и западноевропейских

кондотьеров. На этой земле (имеются в виду северные берега Черного моря), сошлись в борьбе за власть и возможность выхода в Босфорский пролив два приморских хищника – Венеция и Генуя, чьи богатство и блеск, а также экономические преступления и неразборчивость в средствах для достижения своей цели стали притчей во языцех в ренессансной Европе. За этим противоборством угрюмо следил Константинополь, чьи симпатии были в основном на стороне Генуи, еще со времен восшествия на престол Михаила Палеолога.

4

...Небольшой городок Тана на берегу Азовского моря – маленькая точка в мишени далеко расходящихся, можно сказать, всемирных событий.

Татарские ханы не стремились владеть прилегающими к морю территориями (да и к чему степнякам море!), но старались извлечь свою коммерческую выгоду от пребывания там итальянских купцов. Даже вражду генуэзцев и венецианцев они использовали в своих целях, что вполне понятно любому человеку, знакомому с политической историей средневековья или, скажем, наше-

го времени. Цитирую Гейда: «В тот момент, когда венецианцы бросали якорь в порту Тана, осмотр татарских таможенных агентов давал им осязательно почувствовать, что они пристали к чужой территории, и когда свойства их товаров требовали весовой проверки, то контрольная операция производилась в присутствии делегата от консула и одного чиновника татарской таможни. Во время своего пребывания в Тане, какова бы ни была его продолжительность, венецианцы часто сталкивались с татарами, составлявшими большую часть городского населения и исповедовавшими магометанскую религию».

И все же отношения итальянцев и татар в Крыму долгое время, пользуясь термином из физики, были вполне комплиментарны, то есть дополняли друг друга во вражде и дружбе. Но любой порядок, в том числе и государственный, несет в себе начало хаоса и анархии, и гены, а возможно и вирусы распада и смерти ждут своего часа. Так одиночная раковая клетка, постоянно множась, стремится выжить и стать бессмертной за счет разрушения всей биосистемы человеческого организма.

...1340 год отмечен в истории смертью хана Узбека, как известно, принявшему исламство в качестве официальной государственной религии Золотой Орды, и с неумемной энергией молодого неопита искренне и горячо поверившему в Аллаха. Его честолюбивый и талантливый сын хан Джанибек начинает перестройку на подвластной ему земле. Он энергично борется с коррупцией проворовавшихся провинциальных чиновников, а также преследует венецианских купцов, что в ущерб ханской казне наживались на акцизном сборе за провоз товаров.

А в 1343 году погром итальянских купцов в Тане явится причиной уже настоящей полномасштабной войны Запада и Востока на земле Крыма, причем с первым применением бактериоло-

гического оружия, как это будет ясно читателю из дальнейшего изложения нашей истории.

...В одной из стычек венецианец Андреолло Чиврано убивает татарина Ходжу Омара. Это убийство провоцирует резню татарами всех генуэзцев, флорентийцев и венецианцев, разгром их домов и товарных лавок. Возмущен убийством своего подданного хан Джанибек. Он начинает войну с западной цивилизацией на Северном Причерноморье, войну, косвенно переметнувшуюся и на «сапожок» Аппенинского полуострова.

5

По представлению современников Франческо Петрарки мир известной им цивилизации заканчивался у Геркулесовых столбов. Несмотря на открытие знаменитыми путешественниками Рубруком и Марко Поло совсем иных, отличных от европейских миров и народов, итальянцы слабо себе представляли жизнь монголов или славян. Все они были для них варварами, скифами на одно лицо. Вот как писал о них Петрарка архиепископу Генуэзскому Гвидо Сетте: «Давнишни несчастья греков, но бедствия скифов новы. Откуда недавно морем годовые запасы хлеба везли в Венецию, оттуда идут корабли, груженные рабами, коих продают несчастные родители, голодом понуждаемые. Диковинного вида толпа мужчин и женщин наводнила скифскими мордами прекрасный город, подобно тому, как прозрачную реку мутит неистовый поток. И коли не нравилась бы толпа сия покупателям более, чем мне, коли не услаждала их взоры более, чем мои, не наполнил бы мерзкий народ узкие улицы, не поражал бы привыкших к красивым лицам приезжих, а в своей Скифии, вместе с Голодом, тощим и бледным, в покрытом камнями поле, где помещает его Назон, по сей день рвал бы ногтями и зубами скудные травы...».

...Простим великому гуманисту его эстетическую ксенофобию. «Проходит лик мира сего», как писал Достоевский, но не проходят вражда и ненависть, неприязнь к чужому: его привычкам, образу жизни, внешнему облику, и даже религии и культуры ведут войну на этом нашем ненадежном свете...

Надо сказать, ренессансная Европа в то время была потрясена междоусобицами не менее чем Золотая Орда. Война еще средневековых городов-государств была затяжной и кровавой, а власть Папы в Риме – переменчивой и продажной. Петрарка, судя по всему, жил в эпоху перемен, проклятую по понятиям китайцев. Вот что он пишет в уже упомянутом письме Гвидо Сетте «о том, как меняются времена»: «уже много лет, как мир сменила война, свободу – рабство, радость – уныние... Не могу, предавшись воспоминаниям, обойти стороной мою Родину. Разве не являет она собою очевиднейшее свидетельство злосчастных перемен? Столь недавно на зависть всем христианским городам процветавшая, а ныне войнами, пожарами и болезнями обращенная в ничтожество...».

...Утратив столь ценное им душевное равновесие, будучи уже совсем немолодым челове-

Петрарка

ком, Франческо Петрарка в 1343 году переживает тяжкий душевный кризис. Он мечется по всей Италии и уже готов внять призыву брата Джерардо уйти в монастырь.

И в это же время в поволжских степях и в Крыму рыщут стаи полуденных песчанок, безмерно увеличиваясь в своем количественном составе, с огромной скоростью пожирая зеленые побеги. Начинается падеж скота, и скоро, через какие-нибудь три года, на степных дорогах и горных тропах появятся сотни трупов, обезображенных предсмертными судорогами, людей и домашних животных...

Но разве не един в жизни и смерти наш мир, наш Земной шар, наша Ойкумена, наша Вселенная? И монгольский нойон, и славянский пахарь, и еврейский купец, и татарский мулла – все подвержены смерти и предсмертной тоске, все открыты голоду, болезням, нищете, угрозе потери рассудка, отчаянию!..

«...Слушай, слушай внимательно: нет такого безумца – разве это уже совсем сумасшедший, – который бы не сознавал подчас бренности своего существования и который, будучи спрошен, не отвечал бы, что он смертен и обитает бренное тело, потому, что об этом свидетельствуют и телесные боли, и лихорадочные припадки, а прожить совершенно свободным от них дано ли кому-нибудь по милости Господа? К тому же и похороны друзей, беспрестанно проходящие пред вашими глазами, вселяют страх в душу созерцающих, ибо, провожая к могиле кого-нибудь из своих сверстников, человек неизбежно содрогается при мысли о бездне, куда смертью внезапно свергнут другой, и начинает тревожиться за себя самого, подобно тому, как увидев жилища своих соседей в огне, ты не можешь оставаться спокойным за собственное жилище, ибо, как говорит Флакк: «Скоро, гляди, к тебе подберется опасность...» (Франческо Петрарка. «Моя тайна или книга бедоумца о презрении к миру»).

6

Верона – родина античного поэта Катулла. Его стихи, по-видимому, знал Петрарка. Его стихи знал, вероятно, и английский бард, чья сценическая поэма о юной любви и неумолимой смерти избирает местом действия Верону.

Здесь настигает Франческо Петрарку весть о смерти Лауры от чумы в 1348 году.

7

1346 год озвучен в одной русской летописи тяжким ритмом наступающего бедствия: «бысть от Бога на люди под восточной страню, на город Орначь, и на Хозторакань и на Сарай, и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бессермены, на Татарове, и на Ормены и на Обезы, и на Жиды и на фрязы и на черкасы и на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати...».

«Яко не бе кому их погребати...».

В 1346 году Франческо Петрарка пишет трактат об уединенной жизни (*De vite solitaria*) в «за-

альпийском своем уединении» под неумолчный шум источника Сорги. Но нет мира в его душе, хотя он все чаще обращается к Святому Писанию, читает священные тексты и богословские трактаты. Через два года он получит известие о смерти Лауры от чумы, наполовину опустошившей сначала Великую Степь и затем переметнувшись в Италию через Черное море.

И это горе вначале заставит его думать о собственной грядущей кончине, трепетать, подобно нашему Гоголю, в предчувствии ужаса собственного исчезновения. Мысль о смерти настойчиво преследует его каждую минуту. Более всего он боится умереть случайной смертью на Большой дороге и об этом часто пишет друзьям. И потом, кто знает, (правда, не надо нам об этом знать) не терзает ли его в это время мысль об уже полной невозможности земной, желанной телесной близости с этой уже навек ушедшею женщиной? И всю тяжесть своих земных страстей и переживаний он преобразит в небесную, легкую, промытую горем и слезами, высочайшую альпийскую лазурь своего искусства... И мы никогда не узнаем (да и не надо нам об этом знать) всей глубины его горькой тоски по той, кого он так долго любил и славил. Правда, в старости боль его понемногу утихает, и вот что он пишет в «письме к потомкам»: «В юности страдал я жгучей, но единой и пристойной любовью и еще дольше страдал бы ею, если бы жестокая, но полезная смерть не погасила уже гаснущее пламя...».

И для того, чтобы жестокая и полезная смерть погасила пламя любви великого поэта, для того, чтобы появились на свет его благородные сонеты «на смерть мадонны Лауры», хан Джанибек дважды пойдет на штурм города Кафы, где генуэзские наемные войска окажут ему умелое и решительное сопротивление.

И будет это в 1346 году.

Лаура

Развалины Тана

8

...Весьма болезненной оказалась для Европы утрата крепости и порта Тана. Вся Греция и Италия очутились в экономическом кризисе из-за недостатка зерна и соленой рыбы, доставляемых итальянскими купцами по Черному морю. Вдвое подскочила цена шелка и таких особых экзотических товаров, как имбирь, перец, мускатный орех и гвоздика, поступающих в Европу из Индокитая через Тану. Именно Тана связывала торговыми путями далекие Рим, Тегеран, Константинополь и даже Пекин. Но никакие дипломатические усилия Венеции по урегулированию этого, можно сказать, международного скандала, не давали результата. Не помогло и посредничество Папы.

И ненависть хана Джанибека к генуэзским купцам достигла апогея, когда он со своим войском, вооруженным китайскими камнеметательными машинами, пришел под Кафу.

Только чума, уже повсюду гуляющая по Золотой Орде и Руси, проникла в ряды осаждающих Кафу лучников хана Джанибека и разбила свой лагерь смерти в его военном лагере.

И, как пишет Гейд: «...чума напала на ханские войска, собранные под Кафой, и уносила тысячи жертв».

В надежде вызвать эпидемию среди осажденных, и таким образом принудить их сдаться, татары с помощью своих осадных машин бросали трупы через стены. Осажденные же подбирали эти трупы и бросали их в море. Однако зараза не замедлила проникнуть в город.

Но, несмотря на все это, защитники не пошли на капитуляцию. Между тем вернувшиеся в Италию из Кафы суда распространили чуму в Сицилии, Тоскане, Генуе, Рагузе, Спалато, Венеции. Таково было начало «великой смертности» или «черной чумы», опустошившей половину Европы, злосчастное последствие торговых сношений Запада с Востоком».

9

...В старости понемногу утихает его боль и тоска по той, кого он любил такой светлой и бескорыстной любовью, и он понимает, что высшим благом для его искусства были не только ее отказ от земной близости с ним, но и сама ее смерть.

Теперь в лице мадонны Лауры он славит и благодарит Богоматерь, Матерь всего сущего, Заступницу за все живое, Спасительницу, оттуда, с высоты горней простившую наш человеческий род за все его грехи тяжкие, за все его преступления зверские в прошлом, настоящем и будущем...

И вместе с тем он славит и благодарит земную прекрасную женщину, одарившую его самым ценным, что есть на нашей Земле – божественным и святым вдохновеньем, и любовью великою!

...У художника Симоне Мартини, его друга, есть предполагаемый портрет Лауры, по преданию, заказанный ему самим поэтом. Быть может, глядя на него, он думал и писал: «Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре юности в лето Господне 1327, утром шестого апреля в соборе Святой Клары, в Авиньоне».

И в том же городе, так же в апреле и так же шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348 покинул мир этот луч света, когда я случайно был в Вероне, увы, о судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовика настигла меня в Парме того же года утром 19 мая. Это непорочное и прекрасное тело было погребено в монастыре францисканцев в тот же день, вечером. Душа ее возвратилась, в чем я уверен, на небо, откуда она и пришла. В память о скорбном событии, с каким-то горьким предчувствием, что не должно быть уже ничего радующего меня в этой жизни, и что после того, как порваны эти крепчайшие сети, пора бежать из Вавилона, пишу об этом именно в том месте,

Флоренция

которое часто стоит у меня перед глазами. И когда я взгляну на эти слова и вспомню быстро мчащиеся годы, мне будет легче, с Божьей помощью, смелой и мужественной думою покончить с тщетными заботами минувшего, с призрачными надеждами и с их неожиданным исходом».

О ней он писал не только такой чистой и мужественной прозой. Есть «Канцоньере» — книга песен, над которой, среди прочих трудов, он работал до конца своих дней. Вот один из сонетов этой книги в моем переложении на русский язык:

Когда тебя увидел я впервые,
Когда на свет лучистых глаз твоих
Я устремился в искреннем порыве, —
Как сердце, время сжалось в краткий миг.

Когда вошла ты в жизнь мою и стих,
Я ощутил, как стонет сердце вживе,
Как ткань его слабеет на разрыве —
Всей глубиною боли я постиг.

Мадонна, страшен мир непробужденный!
Опять лазурь очнулась, умирая,
И вновь колеблет чувственное пламя

И облик твой, годами удаленный,
И край, где звал тебя и пел тебя я
Земными безутешными словами.

10

«...Итак, хвала тебе, Чума!»

...Зимний пустой Судак, где эти строки Пушкина звучат особенно гулко и пустынно. А слова «и в аравийском урагане» комкаются и глохнут, поглощаемые шумом моря.

Генуэзская крепость, вписанная в прибрежные скалы, где близоруко прищурилась алая холодная медуза декабрьского солнца. И прощальным гимном звучат здесь слова Осипа Мандельштама:

«Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей.
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задешево
Притоптали траву в пустоте.
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей».

...Знал ли, предполагал ли давно умерший Франческо Петрарка, что пройдет время и в далекой и непонятной для него Скифии о нем будут думать и читать его сонеты о его любви к Лауре украинцы, русские, поляки, евреи, Сковорода, Мицкевич, Батюшков, Пушкин, Мандельштам.

Еще не одна чума опустошит планету после смерти Франческо Петрарки и здесь, на земле Крыма, как и в его родной Европе, произойдет множество в основном кровавых событий.

Сюда, в Кафу, с уцелевшими союзниками-генуэзцами бежит с поля Куликовской битвы хан Мамай и будет зарезан на базаре наемным убийцей...

Вновь отстроится крепость, и порт Тана будет стерт с лица Земли войсками хромого Тимура. Его не страшили западные колонисты, но настаивал все возраставший «рейтинг» хана Тохтамыша как одного из самых достойных и сильных вождей Золотой Орды.

Хан Тохтамыш погибнет в Тобольске(!), а его жена, нежная Джанике-ханум, вернется из Константинополя в Крым, здесь умрет и будет похоронена в Чуфут-кале.

Ее небольшой мусульманский мавзолей, похожий на девичью опочивальню, пощадит время, а гробницу Лауры вместе с церковью, где она находилась, разрушат в XVIII веке...

...Сильный ветер приносит внезапный снег, и он летит над Генуэзской крепостью, над маленькой бухтою, над морем. Он летит над Крымом, над Италией, над Монголией, над Китаем... Он будет лететь над Землей и тогда, когда нас не будет, когда время сотрет и уничтожит наши деяния, наши дома и наши могилы...

Немного дней осталось до конца и моего замечательного двадцатого века...

Хочу поклониться праху всех людей, о которых здесь рассказал.

Кода

Неуемны людские любовь и ненависть, и страсть к победе. Даже землетрясения и моры не могут остановить стремления человека к истреблению ближнего своего. Но после того, как вздымаются и опадают волны людской вражды и злобы, на земной нашей отмели остаются иногда произведения искусства — редкие и одинокие свидетельства иного, высшего, быть может, предназначения человека, приговоренного к смерти судьбой и природой.

И все-таки бессмертного.

Это было более десяти лет назад. Николай Свентицкий занимался реализацией масштабного и организационно сложного проекта «Русский романс в Грузии». Было ясно, что своими силами обойтись не удастся, и он привлек к сотрудничеству Георгия Иналишвили, выпускника факультета журналистики ТГУ, за плечами у которого уже был серьезный опыт работы – спортивный журналист на самом популярном в те годы Втором канале Грузинского телевидения, а затем – глава пресс-службы Министерства внутренних дел Абхазии.

Сотрудничество оказалось настолько успешным, что Свентицкий немедленно предложил Георгию работу. Так он стал администратором Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова и остается им по сегодняшний день.

Сотрудники подтвердят, что застать Георгия за рабочим столом практически невозможно – бесконечные дела и поручения требуют его присутствия в самых разных местах, иногда – в двух разных одновременно. Как это у него получается, никому не ведомо, но не было ни одного случая, чтобы он не справился.

Знаете, это очень здорово, когда рядом находится коллега, который никогда не подведет, на которого можно полностью положиться – как в профессиональном, так и в человеческом плане. Впрочем, сам Георгий не видит в этом ничего особенного: качественно работать и быть надежным партнером – это, в его представлении, правило, а не исключение.

Хотя одно исключение (или, если угодно, отличие) в нем все-таки есть: Георгий принадлежит к древнему абхазскому княжескому роду Инал-Ипа. В 1902 году, после подачи прошения с ходатайством в Департамент герольдии Правительствующего Сената, Сенат издал соответствующее постановление, и император Николай Второй утвердил герб рода Инал-Ипа.

Остается добавить, что Георгий гордится родословной, с достоинством носит свою фамилию, понимая, что она ко многому обязывает. В таком же духе он и его супруга Мари воспитывают детей – сына Ираклия и дочь Лилу.

Сердечно поздравляем Георгия Иналишвили с юбилеем! Желаем здоровья, процветания и радости на многие-многие годы!

С ВЫСОТЫ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Интервью с Народным артистом Грузии, почетным гражданином города Тбилиси, известным предпринимателем Джумбером Берадзе мы записали накануне его 76-летия в уютном ресторане «Тбилисский Мухамбази». Двадцать лет своей жизни он посвятил высокому искусству танца, выступая в Национальном балете Грузии «Сухишвили», затем был одним из руководителей Государственной филармонии Грузии и директором фирмы «Мелодия». Позднее стал управлять бизнесом, основав несколько великолепных ресторанов в Тбилиси. За какое бы дело ни брался, Берадзе всегда добивался успеха, благодаря упорному труду и самоотверженности. Несмотря на громкие регалии и работу на высоких должностях,

он лишен высокомерия, очень коммуникабельный и открытый человек, с замечательным чувством юмора: когда мы с ним договаривались об интервью, Джумбер Викторович серьезно сказал: «Да, да, я чрезвычайно занят, завтра у меня стирка!»

Джумбер Берадзе родился в семье коренных тбилисцев, его дед был представителем одной из торговых гильдий, был знаком и дружил со многими известными и колоритными людьми. Одним из них был мастер золотых дел Амвросий Джикия, чей подарок – рог до сих пор бережно хранится в семье как реликвия. Мать по профессии была юристом, отец – врач: он был представительной внешности, наделен талантом пения и танца, отличался необычайной пластикой, в молодости работал в ансамбле Кирилла Пачкория. Виктор Берадзе был настоящим ценителем грузинских традиций и обычаев, именно он привил сыну любовь к танцу. Джумбер начал танцевать достаточно поздно, произошло это случайно: в их доме гостил хореограф Бухути Дарахвелидзе, – «он предложил отцу, чтобы я у них стал танцевать, мне только исполнилось четырнадцать лет, оттуда перешел в ансамбль самодеятельности Тбилисского трамвайно-троллейбусного управления. Очень любил танец, т.к. я человек целеустремленный, много думал о танце, и помимо репетиций, по несколько часов в день занимался самостоятельно», – вспоминает Джумбер.

«Джейран» с Нино Рамишвили

В то время попасть в ансамбль «Сухишвили» было пределом мечтаний любого танцора. Однажды Илико Сухишвили через друга отца Берадзе передал, что ждет его в своем репетиционном зале, – «я узнал, что ты танцуешь, твой танец я не видал, приходи завтра, посмотрим», – сказал Илико. Джумбер одел чуквяки (мягкая кожаная обувь без каблуков, которую носят танцоры во время выступлений), и пошел «на экзамен» к мэтру.

Грузинский танец в исполнении Н. Рамишвили и И. Сухишвили

– Весь ансамбль уже в сборе, представьте, я совсем маленький мальчик, должен перед ними выступить. Сначала исполнил «Казбегури-Мтиулури», затем проделал трюки из «Мтиулури», Илико остановил меня, сказал, – «достаточно», и меня взяли, на дворе был 1962 год, мне еще не было семнадцати лет. Это был ансамбль, созданный двумя величайшими, неповторимыми личностями – Илико Сухишвили и Нино Рамишвили, они оба сыграли большую роль в формировании моей личности. В этом коллективе работало целое созвездие великолепных танцоров, искусство каждого из них служило примером для подражания, я многому научился у них, приобрел навыки и свойства характера, которые понадобились в дальнейшей жизни, овладел мастерством. Я исполнил соло-номер в «Мхедрули», «Шеджибри», а в «Парикаоба» мы с Миллером Цирекидзе танцевали дуэт. В каждом танце финал – это кульминация всего действия, повезло, что мне дали возможность закрывать их. Финалом первого отделения была кульминация «Мхедрули», второго – «Ханджлури», и я закрывал финал танцем с кинжалами.

Затем мне довелось с моим старшим другом Омаром Мхеидзе вместе с госпожой Нино солировать в танце «Джейран». Исходя из наших технических данных, Нино добавила динамичный отрезок к заключительной части «Джейран», и танец получился необыкновенно полным. Когда были на гастролях в Греции, поставили «Сиртаки», где я солировал с превосходной танцовщицей Мананой Абазадзе...

Слушая рассказ Джумбера, я невольно вспомнила одно из его выступлений по телевидению, где Берадзе с восторгом отзывался о годах, проведенных в этом коллективе. «Сегодня, с высоты прожитых лет, если я сделал что-то в жизни, а думаю, что сделал немало, во всем этом заслуга Нино Рамишвили и Илико Сухишвили, они были большими эстетами, настоящими интеллектуалами. Без интеллекта нельзя творить в танце», – отметил Берадзе. По его словам, концерты везде проходили с аншлагом, «Сухишвили» единственный ансамбль из нашей страны, который выступал на таких престижных сценах, как «Ла Скала», «Метрополитен-опера», «Альберт-холл», «Ла Фениче», «Сан Карлос». «Утонченный вкус этой пары выражался и в их одеянии. Представьте, заканчивается концерт, последний танец повторяют на бис по три-четыре раза, в это время с правой стороны сцены выходит Нино в платье от Шанель с

шикарными украшениями, а с левой – Илико в черном фраке с бабочкой – это было потрясающее зрелище», – отметил Джумбер...

– Танец был неотъемлемой частью моей жизни на протяжении двадцати лет, свою молодость я посвятил этому искусству, оно принесло мне звание Народного артиста Грузии, также я награжден Орденом чести. В начале 80-х годов завершил карьеру, т.к. считаю, что со сцены артист должен уходить в расцвете сил.

Танцующий директор

– Когда еще танцевал в ансамбле «Сухишвили», меня назначили заместителем генерального директора Государственной филармонии. Это было огромное объединение, в которое входили Абхазское, Аджарское, Кутаисское отделения, все государственные филармонические коллективы и концертные группы. Моей обязанностью было управление отделом международных отношений. Знаете, в футболе существует термин «играющий тренер», когда тренер руководит командой и одновременно выходит на поле в качестве игрока. Вот я был таким «танцующим директором», прямиком из репетиционного зала на машине мчался на проспект Плеханова, в свой кабинет в филармонии – работать над документами. Благодарен судьбе, что мне пришлось сотрудничать

С Дмитрием Певцовым

Джумбер Берадзе

с такими замечательными людьми, как Дориан Кития, генеральный директор учреждения, музыковед Евгений Мачавариани, художественный руководитель, композитор Сулхан Насидзе. Там я получил драгоценный опыт организационной работы.

Фирма «Мелодия»

— Позднее начал работать в филиале Всесоюзной фирмы «Мелодия». В отличие от других республик Тбилисской студии грамзаписи были делегированы такие же функции, какие были у центральной организации в Москве, в частности, определение музыкальной политики не только в Грузии, но и в Армении, Азербайджане и на Северном Кавказе. Организация владела двумя заводами: грампластинок и аудиокассет; существовало свое торговое объединение. До моего прихода на студию эту должность занимал Гайоз Канделаки, который внес большую лепту в развитие отечественного джаза, именно его заслугой является то, что сегодня джаз так популярен в Грузии. Я же стал проводить свою линию, «огрузинил» наш репертуар. Спектр выпускаемой продукции был самый разнообразный: литератур-

но-драматический жанр, детское направление, фольклор, классическая музыка, эстрада и лицензионный репертуар. Мы издали гениальное произведение Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», текст которого читал Гоги Харабадзе. В канун 900-летнего юбилея Давида Агмашенебели фирма издала пластинку с его произведениями: «Слово перед битвой», «Песни раскаянья» («Галобани синанулисани») и «Завещание».

Запись втайне от всех

— Может, я не воцерковленный человек, но испытываю искреннее благоговение и любовь к Богу. Поэтому мне, как православному христианину, хотелось выразить свои глубокие чувства к Всевышнему, издав древние грузинские церковные песнопения. Это происходило в период, когда в стране господствовал атеизм, когда многое решал худсовет и грозный Главлит, осуществлявший цензуру печатных произведений. Я побеседовал с членами худсовета Сулханом Насидзе и Мананой Ахметели, помню, она сказала: «Сулхан, раз Джумбер говорит, что он

добьется издания этой пластинки, значит исполнит свое слово, видно, он что-то задумал». Договорились с руководителем хора Сионского кафедрального собора Нодаром Кикнадзе и втайне от всех сделали запись песнопений. Своим замыслом я поделился с Католикосом-Патриархом Илией II, взял у него благословение и поехал в Москву, никому ничего не сказав, и не поставив в известность местный Главлит. С генеральным директором «Мелодии» Валерием Сухорадо мы давно дружили, это был человек старшего поколения, многое сделавший для развития музыкального искусства в стране. Объяснил ему свое намерение, он ответил: «Ты что, хочешь чтобы нас обоих сняли?!» Я сказал: «Валерий Васильевич – надо сделать!», и вернулся домой. Через двадцать дней он мне звонит: «Надо бы тебе приехать». Оказывается, он встретился с влиятельным человеком из правительства и уладил это дело. Пластинку с записью песнопений я преподнес Католикосу-Патриарху Илие II, спустя некоторое время он подарил мне Библию со своей дарственной надписью.

Александр Калягин и Роберт Стура

Ресторан – дело тонкое

– С «Мелодией» связано начало моего собственного бизнеса. Вместе с Сухорадо мы были во Франции, на крупнейшей в Европе музыкальной ярмарке «MIDEM», объединяющей тысячи музыкантов, продюсеров, менеджеров, агентов музыкальных компаний, бизнесменов и журналистов. Перестройка только началась, и на Западе возник большой интерес ко всему советскому. Там мы познакомились с бизнесменом Стэнли Корнелиусом из Нэшвилла, в семье которого меня познакомили с руководителем крупнейшей американской телекоммуникационной компании «Metro Media Incorporation» Диком Шервином. В 1989 году он вместе с вице-президентом компании Диком Бернштейном приехал в Тбилиси, мы начали сотрудничать и осуществили первый проект – «Аиети TV», затем последовала «Фортуна», после этого «Магги», можно сказать, что я – один из пионеров телекоммуникационного бизнеса в Грузии. По делам, связанным с «Metro Media Incorporation», мне часто приходилось бывать в Нью-Йорке. Во время одного из таких визитов, Дик Шервин предложил мне поужинать вечером в русском ресторане «Самовар», который располагается в Манхэттене. Ресторан принадлежал звезде балетного искусства Михаилу Барышникову, поужинав там, я заинтересовался данным биз-

несом. Это происходило в 90-е годы, как раз в тот период, когда известные американские киноактеры Сталлоне и де Ниро открыли свои рестораны. Я вспомнил свое творческое прошлое, и решил взять с них пример. В развитии моего бизнеса очень помог Тенгиз Чигвинадзе, член американской академии «Food and Wine», я перенял его опыт управления рестораном. У него был инновационный подход к кулинарии, новация хороша тогда, когда она совершенствует старое блюдо, давая ему новую жизнь, а не так, как это делают сегодня – для меня неприемлемо, когда на сыр эдак кладут гоми, или же гоми бросают во фритюрницу. В ресторане все должно быть на уровне, атмосфера заведения формируется из хорошего интерьера, эксте-

рьера, кондиционирования – вентиляции, обслуживания и качественной, вкусной еды. Наш первый проект осуществился на проспекте Руставели: под названием «Марко Поло» открылся ресторан, таверна и бар. Эскиз для росписи таверны сделал мой друг, выдающийся сценограф Мураз Мурванидзе, он связал меня с известными сценографами Мирианом Швелидзе, главным художником театра Руставели, и Ушанги Имерлишвили. Благодаря плодотворному сотрудничеству этих трех мастеров, интерьер таверны получился изумительно красивым. На первом этапе пришлось пре-

одолеть много сложностей, в те годы в обществе существовал стереотип – раз ресторан, значит обязательно обманут. Я решил разрушить сложившееся ложное мнение, и думаю, что мне это удалось, потому что ресторан не испытывал недостатка в посетителях. После «Марко Поло» мы открыли «Фаэтон», несколькими годами позднее появились «Золотая кружка» и «Тбилисский Мухамбази», которые пользуются большой популярностью среди представителей творческой интеллигенции Грузии, их также часто посещают знаменитые гости из-за рубежа. Несмотря на то, что я давно завершил карьеру танцора, считаю, что не оставил искусство, ведь ресторанный бизнес – тоже своего рода творчество.

АРОМАТЫ ПАМЯТИ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

О обоняние! Ты сильнейшее из всех чувств! И поистине нет для тебя ни времени, ни пространства. Ты можешь захватить, овладеть и перенести в давно забытые дни, позволив прочувствовать все так остро близко.

Сажая цветы в своем палисаднике, волей-неволей получаю информацию из окружающего мира: справа соседи жарят шашлыки, слева только что скосили траву, а вдалеке кто-то выгуливает лошадей. И вот оно открытие: грузинское лето пахнет так же, как и российское. Особенно ярко это ощущается, когда мзе (солнце по-грузински) – раскаленный огненный шар закатывается за горизонт.

И все вокруг начинает дышать, глубоко, жадно, с наслаждением. Ожившая трава пахнет влагой и свежестью, цветущие кустарники – парфюмерией. А шутник-ветер, играя с ароматами окраины Тбилиси, приносит издалека знакомый пахучий букет и забытые воспоминания...

Мне десять лет. Я грустная, недовольная и вырванная, как засидевшаяся репа, из своей

привычной среды – городской квартиры. Папа забрал меня на неделю в деревню к бабушке. Мы с ней очень похожи, но мало знакомы, так как приезжаю сюда крайне редко. От этого я чувствую себя неуютно и потерянно. Отец на рыбалке с братом. А я с бабушкой. Она невысокая, но полная, сильная и какая-то неутомимая. Она всегда в движении, а я вынуждена помогать. И мне это не нравится.

Раз уж я здесь, то непременно хочу валяться на воздушной сказочной перине. Хочу сорвать кисейную накидку, разломать конструкцию из взбитых и уложенных друг на друга огромных перьевых подушек, последняя из которых стоит треугольником... И нырнуть лицом в эти самые подушки! Вообще кровать здесь какая-то чудная: голубые железные прутья с облупившейся краской на выступах, кое-где просвечивает ржавчина, а нижняя часть, прямо от матраса прикрыта подзором – такой белой кружевной оборкой. Она свисает почти до пола и стыдливо скрывает все, что припрятала под кроватью

хозяйственная бабушка. Скрипящие пружины позволяют и попрыгать, и исчезнуть в перине. Как приятно нежиться на этой невероятной кровати, разглядывая вечных оленей на коврике! На улице жарко, а дома царит прохлада и дышится легко. И как здесь сладко спится! На удивление бабушка за все эти годы так и не поменяла кровать. И она также манит меня.

Когда спадает жара, мы идем с бабушкой на огород, к реке. На душе немного тоскливо от того, что все здесь для меня чужое. Вечерний ветер поднимает сельскую пыль, и она вместе с песком попадает мне в открытые сандалии. Неприятно. Но бабушка быстро идет вперед, а я боюсь отстать и потеряться. Так и иду.

Это большое село называется коротко и емко – Вад. По этому поводу у нас есть семейная история. Моя мама, красавица-студентка, сообщает своим родителям новость, что выходит замуж за сельского парня.

– Так откуда он? Как его село называется? – спрашивает мой дедушка.

– Вад, – смущенно отвечает новоявленная невеста.

И в этот момент ее мама, всепоглощающе добрая, мягкая и веселая, всплескивает руками и удрученно восклицает:

– Тань, да что ж это такое? Все в рай, а мы в ад!?

Оказалось, свое название село получило от речки Вадок. Все просто. Без мистики.

А мы продолжаем идти. Нам встречается стадо коров, бредущих домой с пастбища. От них пахнет невероятно резко, жарко и душно. Это и запах навоза, и парного молока. Необычно, но притягательно, и я не зажимаю своего презрительного носика. Худой, какой-то скрюченный и черный от солнца пастух лениво и устало плетется сзади. Он не принимает никакого участия в судьбе этих коров. А они с тяжелым мычанием сами расходятся по своим дворам. Удивительно, как это коровы сами знают, куда идти. Эта мысль полностью поглощает меня. И я постоянно оглядываюсь на стадо, и больше ни о чем не могу думать.

Пробираясь вдоль узких

сельских улочек, окруженных высокой травой с репейником, мы спускаемся к огородам. Вот он этот запах, что вернул меня сюда! Скошенная трава дурманит голову, а упавшая роса заставляет очнуться от парализующей жары все живое. Я не знаю эти запахи, они новы и в то же время близки мне. Около реки свежо. Мне кажется, что пахнет тинной. Или водорослями. Бабушка проходит по подмосткам, нагибается, зачерпывает воду большим ведром и, сгибаясь под его тяжестью, медленно идет поливать грядки. Мне становится ее жалко. Начинаю неохотно помогать и неожиданно с головой ухожу в работу. Мы болтаем обо всем. Я узнаю, что изначально эти подмости у реки сделаны для женщин, полощущих белье в реке. Всматриваюсь в темную, чуть потревоженную течением гладь реки. Хаотичное и резкое мелькание стрекоз над кувшинками завораживает: я пытаюсь угадать, куда они полетят дальше. Яростно хлопаю комаров на руках, бью так, словно это не мои руки. А все потому, что комариные киллеры кусаются невероятно больно. Управившись с работой, мы – уже почти подружки – направляемся в обратный путь.

Вдруг совершенно неожиданно меняем маршрут и заходим в гости к родственникам. Там уже вернувшиеся с рыбалки мужчины сидят на кривой лавочке около деревянного дома, облокотившись о круглые, почерневшие от времени бревна. Меня заводят в сени и прямо там дают парного молока в железной кружке, наливая из эмалированного ведра. Белое, теплое молоко пенится. Я пью с опаской, запах молока чужой и какой-то уж очень... живой. Но вкусно! Особенно с горячим черным хлебом, отломленным специально для меня.

Мужчины на улице курят и смеются: оказывается, мой дядя, тот еще озорник, учит курить козу, тыча ей в удивленную морду «Беломор». А у этой козы какие-то инопланетные глаза: я бы так и не поняла, почему, если бы отец не обратил на это внимание. Зрачки у нее горизонтальные! Почему-то я помню об

этом всю жизнь.

И вот мы уже вместе с бабушкой и папой идем домой. Тихо и не спеша. И снова запахи накрывают нас: где-то сжигают траву, откуда-то ветер несет неприятный запах курятника, а рядом с палисадниками – какая-то родная аура от пряной травы и цветов. У порога нас встречает толстая полосатая кошка Манька. После нее все кошки у бабушки были такие же камышовые и с такой же кличкой.

Поздно вечером, сполоснув пыльные ноги в тазике с нагретой в чайнике водой, мы смотрим черно-белый телевизор – одну единственную работающую программу. В кромешной темноте, не включая свет,

своей 90-летней матерью Марией. А мой дядя, приходя в гости к ним, восклицал с сильным нижегородским говором, налегая на «о»:

– Да у вас тут настоящий женский монастырь! Две Таньки да две Маньки! (Вторая Манька – это кошка).

Сейчас бабушке уже 85, она такая же неутомимая и уравновешенная. Все так же застилает кровать с подзорами, ходит на огород и ведет неторопливую, размеренную жизнь. Только сильно сдала за последние годы. И я тоскую, что далеко от нее...

Запахи, ароматы, всплески сознания... Грустно ли мне? Немного. Но в то же время рада,

чтобы не налетели комары, мы смеемся, глядя моноспектакль Аркадия Райкина. И мне уютно.

Много позже эта самая бабушка Таня, когда-то в детстве казавшаяся мне немного чужой, невероятно помогла мне. Она взяла мою полуторагодовалую дочку Танюшку к себе в Вад и два года воспитывала ее. Ради меня и моей учебы в институте. Помимо этого она ухаживала за

что все это было и есть в моей жизни. Как же сладостны порой бывают воспоминания! Они размытыми импрессионистскими картинами вспыхивают все чаще. И только сейчас понимаешь, что тогда, в детстве, ты был свободен по-настоящему и как-то искренне и без оглядки счастлив.

Нико Пиросмани

«АНГЕЛ БЫЛ В ЕГО КИСТИ»

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

О Нико Пиросмани много написано. Но все еще остается недосказанное и необъяснимое в истории жизни художника.

В литературе, посвященной ему, крайне скупо и сумбурно передана история присутствия Пиросмани на заседании Общества грузинских художников 25 мая 1916 г. Инициатором приглашения являлся, по всей видимости, художник Дмитрий (Дито) Шварднадзе. Взволнованный приглашением Пиросмани готов был признать присутствовавших на заседании художников собратьями, живущими ради искусства. Пиросмани обратился к присут-

ствующим: «Вот что нам нужно, братья. Посередине города, чтобы всем было близко, нам нужно построить большой деревянный дом, где мы могли бы собираться; купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве».

Пиросмани с радостью готов был рассуждать о живописи с профессиональными художниками, которых считал равными себе. Однако выступления «братьев» не вызвали у него понимания. Члены Общества вручили ему деньги, повели фотографироваться в ателье Эдуарда Клара.

«Художники хотели ему помочь, но он ждал от них не этой помощи, а чего-то другого. Он не приходил сам, а приглашать его было хлопотно и ни к чему».

После заседания Пиросмани жаловался художнику Гуго Зазиашвили: «Мне сказали: будем вместе, рисовать по законам [подчеркнуто мной – И.Д.]. Нет, не хочу вместе, пусть оставят меня в покое» (Г. Леонидзе, «Жизнь Пиросмани», в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси, 2011, стр. 9-52, на груз. языке, стр. 47. Впервые статья Г. Леонидзе «Жизнь Пиросмани» была опубликована в журнале «Мнатоби», 1931, №3, Тбилиси, на груз. языке.).

Неизвестно, кто из присутствующих призывал Пиросмани «рисовать по законам», был ли этот призыв поддержан другими членами Общества, но этот призыв повторяется и в подписи под карикатурой, помещенной в газете «Сахалхо пурцели» от 10 июля 1916 г. Текст «вложили» в уста писателя и критика Григола Робакидзе: «Тебе нужно учиться, братец! Человек твоих лет еще может много создать... орфического, лет через двадцать из тебя выйдет хороший художник... Вот тогда мы пошлем тебя на выставку молодых». Возможно, слова, приписанные почему-то Робакидзе, выражали мнение некоторых членов Общества. Сам Пиросмани видел свое искусство как дар, ниспосланный ему Св. Георгием: «Когда я ложусь спать, он появляется с кнутом у моего изголовья и говорит: Николай, не бойся, а назавтра моя кисть сама рисует» (Это признание Пиросмани сделал жене духанщика Давида Алугишвили. Г. Леонидзе, «Жизнь Пиросмани», в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси, 2011, стр. 9-52, на груз. языке, стр. 28.). И добавлял, что архангелы помогают ему рисовать. Друг Пиросмани духанщик Бего Якиев так характеризовал дар художника: «Ангел был в его кисти» (Г. Леонидзе, «Жизнь Пиросмани», в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси, 2011, стр. 9-52, на груз. языке, стр. 35.).

Раненный «советами» художников и карикатурой, свою горечь Пиросмани высказал художнику

Дом-музей Пиросмани в Мирзаани

Ладо Гудиашвили, навестившему его летом 1917 г.: «Хочешь покажу, как надо работать? Вы, художники с Головинского проспекта, ходите в костюмах и галстуках и боитесь перейти на этот берег Куры. Нет, так нельзя».

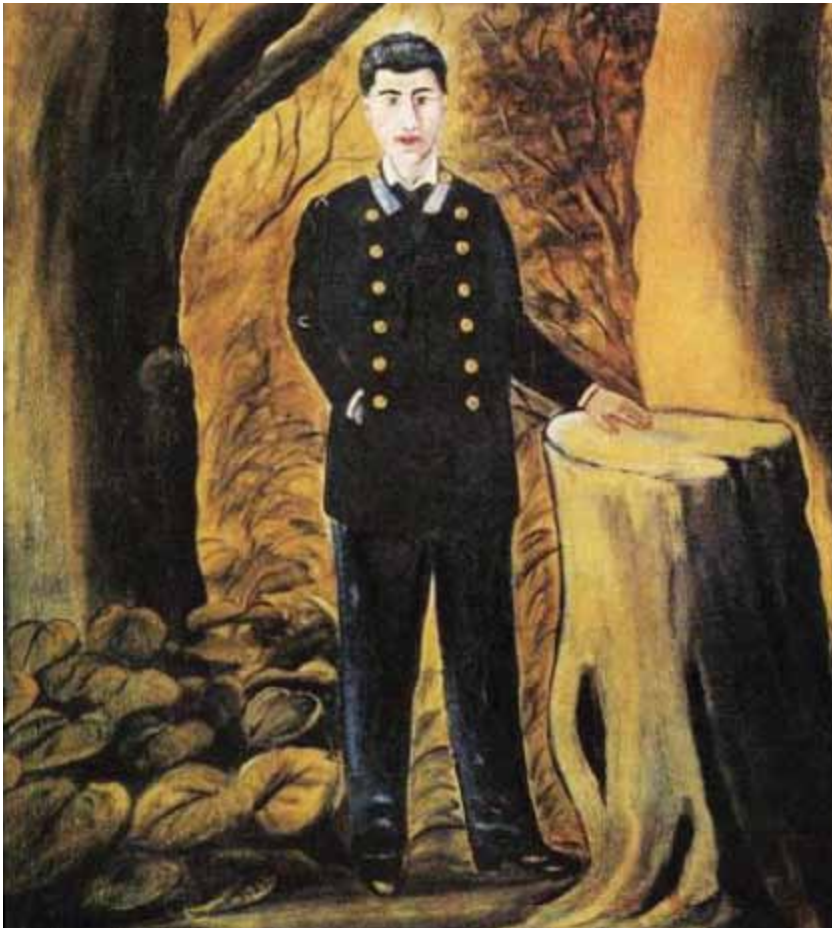
В беседе с писателем Георгием Леонидзе Г. Зазиашвили в 1930 г. рассказывал, что после знакомства с художниками Гиго Габашвили, Мосе Тоидзе и Ладо Гудиашвили Пиросмани охладел к ним (Г. Леонидзе, «Жизнь Пиросмани», в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси, 2011, стр. 9-52, на груз. языке, стр. 47.). Габашвили, один из влиятельных мастеров своего времени, пользовался репутацией самого рьяного противника Пиросмани и мог позволить себе совет «с барского плеча»: «рисовать по законам». Если же этот «совет» исходил от Гудиашвили или Тоидзе (в чем сомневаюсь), то был он дан лишь из лучших побуждений и с добрыми намерениями.

Комната в Доме-музее

Неверным было бы ожидать от Общества единодушного признания таланта Пиросмани. Первое десятилетие XX века было временем бурных поисков новых путей в грузинском искусстве, но классические живописные каноны превалировали, и художники

оглядывались и сверяли «часы» с традициями европейской реалистической живописи. Созданное в 1916 г. по инициативе вернувшегося из Мюнхена Д. Шеварднадзе Общество грузинских художников ставило своей целью консолидацию националь-

Н. Пиросмани. Портрет К. Зданевича

ных деятелей искусства.

На основании факта экспонирования восьми работ Пиросмани на первой выставке Общества в 1919 г., современные историки искусства отвергают вину Общества в неприятии творчества Пиросмани. Споры вокруг Пиросмани не утихали и после его смерти. Так, опубликованная 20 декабря 1919 г. в газете «Слово» статья искусствоведа Дмитрия Гордеева стала поводом для вызова его на дуэль неким художником старшего поколения! Художник Кирилл Зданевич обозначил этого горячего творца литерой «А» и процитировал его гневную фразу: «Я окончил Мюнхенскую академию, учился много лет, умею правильно рисовать и писать, и вдруг восхваляют не меня, а какого-то безграмотного самоучку, необразованного человека! К барьеру, к барьеру! Я не допущу восхваления маляра!» (К. Зданевич, Рукопись книги «Я вспоминаю», ГМИ Грузии, рукописно-мемуарный отдел, папка №9, стр. 2.).

Кто же этот холерический «А»? Возможно, Гуго Габаш-

вили, в течение нескольких лет занимавшийся живописью в Мюнхене. Примечательно, что в одном из своих парижских писем в Тифлис, художник и писатель Илья Зданевич, один из трех первооткрывателей Пиросмани рассказывает, что художники Общества, побывавшие на однодневной первой выставке картин Пиросмани в его мастерской 5 мая 1916 г. (организатором ее был Д. Шеварднадзе), выразили «самые отрицательные мнения».

Каким человеком был Пиросмани? Гордым, самолюбивым, щепетильным. Ценившим свою свободу и независимость. Как рассказывал Георгию Леонидзе духанщик Нико Созашвили в 1922 г., Пиросмани не терпел вмешательства посторонних в его творческий процесс. При малейшем намеке на «ценный совет», он оставлял работу, уходил и долго не появлялся. Он так объяснял свою позицию: «Никогда не было надо мной господина и не хочу» (Г. Леонидзе, «Жизнь Пиросмани», в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси, 2011, стр. 72-85, на

груз. языке, стр. 47.).

Абсолютную истину высказал Э. Кузнецов: «Он уникален. Это не только редкостного масштаба живописный талант и обостренное восприятие реального мира, которые позволили ему самостоятельно выработать собственную, совершенно оригинальную живописную систему... Не получивший художественного образования, в своем глубоко интуитивном творчестве не подчинялся никакому усвоенному, априорному канону» (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 325.).

Именно: Пиросмани самостоятельно выработал свою неповторимую художественную систему, стиль, художественный язык со своей лексикой, правилами, синтаксисом, этимологией. Лишь однажды, очевидно, по совету семьи Калантаровых (у которых он жил в Тифлисе в юношеские годы) он решился показать свои рисунки «ученому» художнику, Геворгу Башинджагану, только что вернувшемуся после учебы в Санкт-Петербургской Академии художеств. Тот понял, что перед ним – талантливый юноша. Посоветовал учиться, но помочь не смог, т.к. сам бедствовал.

Не станем осуждать призывавших Пиросмани учиться, создавать орфическое – не все были готовы к объективно высокой оценке его творчества, не все смогли разглядеть это революционное явление в грузинском искусстве.

После визита в Общество грузинских художников и опубликованной газетной карикатуры Пиросмани изменился. Последние два года его жизни стали особенно тяжкими. Имя его уже было на слуху, но кто понимал истинный масштаб его таланта? Живший в нищете Пиросмани мечтал о большом доме с большим столом, сидя за которым можно было бы говорить о живописи с другими художниками. И мыслил масштабно: «Пришло время, чтобы нас увидели и узнали. Хорошо бы на Головинском проспекте устроить развернутую картинную панораму, большую выставку, чтобы вся Грузия смотрела...» (Статья Л. Гудиашвили 1964 г. «Нико Пиросманашвили» приводится в книге «Нико Пиросмани», под ред. З. Абзианидзе, Тбилиси,

2011, стр. 9-52, на груз. языке, стр. 35.). Фактически Пиросмани предвосхитил необходимость создания картинной галереи, сознавая необходимость нести искусство в народ, распахнуть перед людьми дверь в прекрасное.

Судьбе было угодно, чтобы в 1912 г. Пиросмани открыл приезд молодой художник, один из немногих, склонных к теоретическому мышлению – Михаил Ле-Дантю. Он оказался интеллектуально и эмоционально подготовленным к восприятию творчества Пиросмани как художественного явления. Ле-Дантю не колеблясь объявил Пиросмани «гениальным».

Надо отдать должное и юному Илье Зданевичу, писавшему в своем дневнике о встрече с Пиросмани в 1913 г., что работы Пиросмани «так синтетичны, живописны и правдивы, сделаны с таким великолепием и пониманием задач. Мастерством, в них он сумел так выявить дух и показать великолепие культуры своего народа, что этот, слава Богу, нигде не учившийся живописи (сын садовника) человек кажется единственным ее символом и исключительным явлением».

Ладо Гудиашвили

Не случайно после знакомства с Пиросмани у Ильи Зданевича возникли к нему вопросы (помещены в дневнике встреч с Пиросмани): «Учился ли рисовать у кого-либо? Какова роль знаний и их значение и роль таланта? Какое различие меж «самоучкой» и «учившимся», и какие преимущества у второго по сравнению с первым или наоборот? Что важнее в живописи – что или как? Что необходимо для работы?»

Увы, неизвестно, были ли эти вопросы озвучены, и если да, то каковы были ответы на них. Догадаться можно лишь по одной записи в дневнике И. Зданевича: «...мудрец, один, где-то в глуши постигший тайны живописи». Убежденность в отсутствии необходимости «ученой» живописи у Пиросмани высказывал не только И. Зданевич. Такого же мнения придерживались Дмитрий Шеварднадзе и поэт Николай (Колау) Чернявский. В одной из рукописных заметок Д. Шеварднадзе (Рукопись книги «Я вспоминаю», ГМИ Грузии, рукописно-мемуарный отдел, ф. 2, оп. 2, д. 52.) записано: «Благодаря исключительному таланту, под

Пиросмани создал прекрасные вещи. Живописный путь его – прекрасный образец для нашего нового искусства. У него есть свое собственное понимание живописи, собственный метод и творческий темперамент». В своей статье для коллективной монографии о Пиросмани («Нико Пиросманашвили», Тифлис, 1926.) Чернявский отметил, что для Пиросмани академией стала жизнь.

Благожелательные и проницательные высказывания о художнике сопутствовали его вхождению в Большое Время и утвердили его в звании великого художника. Но не будем забывать, что первыми зрителями и почитателями живописи Пиросмани были простые тифлиские духанщики: Н. Баядзе, А. Гаранов, М. Гвимрадзе, Г. и С. Месхишвили, М. Окроашвили, Г. Титичев, Н. Ситаташвили, Созашвили, Шави Ваню, Озманашвили, Г. Чичинадзе. Они первыми увидели «ангела» в его кисти, называли его «волшебным художником» (слова духанщика Лимоны).

Благодаря усилиям Г. Леонидзе, мы знаем имена двух соседей Пиросмани по Молоканской улице – единственных свидетелей последних дней его жизни. Это Арчил Маисурадзе и Илья Мгалоблишвили. Многодетный отец, сапожник Маисурадзе помогал Пиросмани деньгами и едой. В канун Пасхи он спустился в подвал, где увидел умирающего Нико. Он нанял фаэтон, а Мгалоблишвили сопровождал Пиросмани в больницу.

Пытаться ограничить творчество Пиросмани рамками привычных художественных систем и направлений – дело неблагодарное, но ведь новое, взрывное всегда поначалу вызывает неприятие (как это было, например, с импрессионизмом). Судьба вовлекла живопись Пиросмани в искусство XX в., и время доказало, что в его живописи воплотились универсальные истины, понятные и близкие и философу, и поэту, и человеку искусства, и простому зрителю. Волшебный художник нашел путь к сердцу каждого.

СТИХОТВОРЕНИЯ

■ Валерий КЛЕМЕНТЬЕВ

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ ДОБРА

– Если кого-то обидел, сказал человеку злое слово – он обидит уже двух. И те двое – так же. Так и пойдет лавина. Но ведь и с добрым словом происходит подобная цепная реакция. И все плохое и все хорошее, сделанное тобой, вернется, только в других пропорциях. И каждому воздастся по заслугам.

Так считает педагог, поэт и писатель, обладатель множества званий и лауреат конкурсов, а главное, человек широкой и доброй души Валерий Клементьев.

Увы, приходится сказать – считал. Валерий Викторович ушел из жизни в конце весны 2020. Все его ученики, многие из которых уже сами стали педагогами (хотя бы для своих детей), сочли утрату как личную.

Валерий Клементьев родился и вырос в Тбилиси, там же получил педагогическое образование. Признавался, что и думать не мог покинуть родные места. Жизнь распорядилась иначе. Ради будущего детей (которых к тому моменту в семье Клементьевых было уже двое) в 1993 году он поменял место жительства. И переехал, на наше счастье, в Зеленоград.

Здесь, в городе электроники, без всяких «конфликтов между физиками и лириками» он сумел... не открыть один отдельный клуб, не реализовать один конкретный проект – он создал целую гуманитарную систему, через которую прошли сотни зеленоградских детей и подростков.

Руководитель зеленоградского молодежного объединения «Светоч», создатель и координатор движения «Что? Где? Когда?» в Зеленограде, организатор проведения чемпионатов Зеленограда по интеллектуальным играм, победитель двух игр и член Золотой дюжины «Своей игры», тренер зеленоградских команд по КВН (которые неоднократно становились победителями окружного

чемпионата), бессменный руководитель экспертной комиссии акции «Тотальный диктант», один из организаторов инклюзивной среды для детей в Зеленограде (лагеря для глухих и слабослышащих), учредитель летних лагерных компаний и лагерей «Шахматово», «Михайловское», «Карелия», президент международной ассоциации добрототских объединений... Остается удивляться – как он все успевал? И не останавливался, мечтал о новом. Создание дворца интеллектуальных игр, детского издательского центра, клуба любителей кино...

– Я страшный трудоголик, – говорил Валерий Викторович в одном интервью. – Могу не спать ночами, работать.

Не все планы удалось осуществить. Умер скоропостижно. Еще успел сам вызвать «скорую», а она уже не успела...

Тлеть можно долго. Кто горит – сгорает быстро. Так ушел и Валерий Викторович. Но количество добрых дел, которые он успел выпустить в жизнь, еще вернется. И каждому воздастся по заслугам...

Иван ЛАЗАРЕВИЧ

ИЗМЕРЕНИЕ

Стучат трамвайные колодки.
их заунывный перестук,
И ненавязчивый, и четкий,
Мой убаюкивает слух.

И, пересчитывая шпалы
Снопам брызгающих искр,
Не остановками, пожалуй,
Я измеряю жизни смысл.

А тем, как в змейках-поворотах
Куда-то уносящих рельс,
Колес неторопливый шепот
Мою подхватывает песнь.

БЕЗЗВУЧИЕ

На полноте бумаги снег.
Он как живой – лежит и дышит.
Зачем поэту этот грех –
Бесстишь.

И вроде бы творить не лень,
Погоду хаять несподручно.
Но не идет стихотворень –
Беззвучье.

Вновь появляются слова.
А рядом с ними – многоговья...
И смысл их незамысловат –
Бесстрочье.

И догорает слов запас,
И затухает костровище.
Глаголом жечь не хватит фраз –
Беспищье.

И время пятится, как рак,

И рифм не поддаются глыбы,
Что белому стиху так рад –
Безрыбье.

...А ночью, в книжках записных,
Ворочаясь благополучно,
Выстраивался в строчках стих.
Беззвучно.

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ ЛИСТЬЯ

То ли ветер в объятьях дерева,
То ли дождь по-осеннему пьян...
Листопад превращается в сеево
Разноцветных бесплодных семян.

Скоро высыпят белые крошки,
А пока они где-то в пути.
Аплодируют клена ладошки
Листопадовому конфетти.

Это – время разбрасывать листья,
Избавляться от лишних оков.
Есть и было, и будет так присно,
И, возможно, во веки веков...

УРОЖАЙНЫЙ ГОД

Эти яблони на костылях
Не от старости, бедные, гнутся.
И не помнят они революций,
Разговоров о закромах.

Просто выдался яблочным год,
Урожайным аж до неприличья.
И хозяйка кричит истерично,
Что опять урожаем пропадет.

И царит во дворе аромат –
До чего же душистая осень!
Глубоко ей плевать на опросы:
Что же делать и кто виноват?

И кому же у нас на Руси
Непривычно неплохо живется?
Если яблоко с хрустом жуется –
Холода пережить хватит сил...

И подпорки свои приобняв,
Не считая себя инвалидом,
Все гордятся здоровьем завидным
Эти яблони на костылях.

РЕИНКАРНАЦИЯ

Проточная канава времени
Прошедшее уносит вдаль.
И в прошлое уже не верим мы –
Лишь отдаем, как прежде, дань.

И, позабыв мечты про лучшее,
В плену ненужных укоризн,
Мы в нищенском благополучии
Отыскиваем жизни смысл.

Как все знакомо мне и сродственно.
К чему же сотни долгих лет
Не ради славы или ордена
Отечества родного клеть.

Мы от рожденья до успеха
Не уставая восхвалять,
В неистовом своем корпении
Реинкарнируем опять.

Неужто это есть и Родина?
И нам поверить недосуг,
Что столько было в жизни пройдено,
Нажито ран и оплеух, –

Есть смысл жизни.
И напрасны все
Стремленья наши до поры.
И что и белые, и красные –
Заложники чужой игры.

И что пока одни горели и
Сжигали за собой мосты,
Другие в тихом озлоблении
Для них готовили костры.

При помощи таких коптителей
И втайне от широких глаз
Благонадежные правители
Жгли неблагонадежных нас.

И пепел, над водой просеянный,
Чуть вызывающий печаль,
Проточная канава времени
Тихонько уносила вдаль.

КУКУШКА

«Сколько мне осталось на веку?» –
Детская наивная игра...
С леса донесется не «ку-ку»,
А немногословное «По-ра!»

Ой, кукушка, лучше б не просил!
Ой, кукушка, лучше бы не знал!
А ходил – пока хватало сил
И покуда воздуха – дышал.

И ни с кем проститься не успел,
И вернуть последние долги.
И ушел бы я не на совсем...
Милая, пожалуйста, солги!

Я тогда бы вновь за рюкзаки:
Лучше не в кровати ждать, а так –
Потеряться где-нибудь в пути,
На вокзалах, в аэропортах.

Будто вышел я на пять минут.
И приду – скажите лишь «вернись».
Пусть на свете с мыслию живут
Той,
что впереди еще вся жизнь.

И не надо спрашивать о том,
Сколько же осталось на веку.
Дышим, любим, чувствуем –
живем:

Ку-ку...

Перед «Джокондой» в Пушкинском музее

ПРО РЭМА И ДЖОКОНДУ НЕВЫДУМАННЫЕ ЛЕГЕНДЫ

■ Владимир ГОЛОВИН

В конце 1940-х годов «Комсомольская правда» публикует статью мэтра поэзии Павла Антокольского «Рождение поэта» о новых именах на поэтическом небосклоне. Называется в ней и имя студента Тбилисского государственного университета Рэма Давыдова. Однокурсника Булата Окуджава, известного тогда, как говорится, лишь в узком кругу. Среди приведенных Антокольским строк юного Рэма есть и такие:

«Качается плот мой дощатый,

Под ним – ледяная вода.

Холодное слово – «прощайте»,

Еще холодней – «навсегда».

Согласитесь, совсем неплохо... Через много лет заслуженный журналист Грузии Рэм Арменович Давыдов напишет о себе такую шуточную эпитафию: «Ему нетленный жребий уготован: еще при жизни был он заспиртован»... Как известно, в каждой шутке есть доля шутки, Давыдов стал известен среди коллег как крепкий профессионал не только в промышленной тематике, но и в разнокалиберных застольях.

Коренной житель тбилисского Авлабара, он много лет ежедневно ездил в Рустави, сначала – строящийся, потом – уже

вовсю дымящий заводскими трубами. А транспортное сообщение между этими городами шесть с лишним десятилетий назад было совсем не такое, как ныне – строителей и рабочих ждали лишь несколько рейсов электричек. И Рэм первой электричкой прибывал в «город ста братьев», где прошел путь от начинающего корреспондента до заместителя редактора главной местной газеты «Социалистический Рустави». Готовность, а главное, умение сидеть за столом в любой компании помогали ему обретать друзей в городе, где все знали всех, развязывать языки и главным

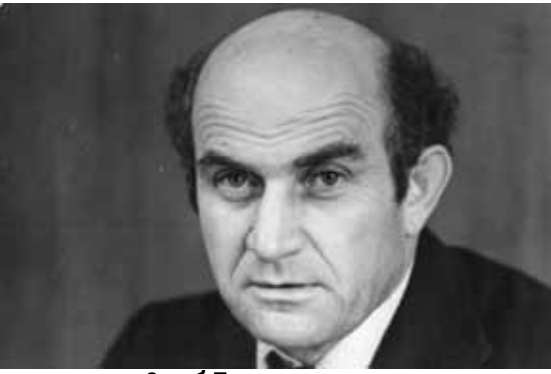
Встреча в Грузинформе однокурсников Б. Окуджава и Р. Давыдова. 1983

инженерам, и подсобным рабочим, когда что-то было нужно для газетной полосы.

Из руставской газеты ее несменяемый зам. редактора уходит в информационное агентство Грузинформ при Совете Министров Грузии – филиал всесоюзного ТАСС. Опыт, приобретенный в цехах и на стройплощадках, дает ему должность заведующего промышленно-экономическим отделом. Ну, а любовь к застолию в журналистском мире минусом никогда не считалась... Неконфликтный, готовый выложить последнюю трешку, он становится своим для всех, тем более, что претендентов на его место в отделе непростой тематики нет.

А главное, профессионализм Давыдова делает его незаменимым для председателя Совета Министров республики Зураба Патаридзе – журналист готовит материалы, которые тот использует в своих докладах и статьях. Бывает, что Рэм Арменович получает или исполняет поручения главы правительства в промежутках между застольями, и предстает пред очами Зураба Александровича несколько подшофе. Но никаких нареканий со стороны Патаридзе нет – Рэм в любом состоянии справляется с заданиями. Более того, глава правительства выражает свою благодарность, давая Давыдову доступ к застольям «элиты». Вот и бывало, что патаридзевский лимузин с трудом пробирался по узким авлабарским улочкам и под восторженные взгляды окружающих совминовские охранники с пиететом выгружали

Зураб Патаридзе

из него Рэма, сильно «подушавшего» не где-нибудь, а на правительственном банкете.

Но чаще всего местом смелы массивного стола зав. отдела на непритязательный ресторанный столик был подвальчик «Дарьял», прямо напротив возрожденного недавно подвала с лагидзевскими водами и аджарскими хачапури. Сейчас вместо него на углу проспекта Руставели и улицы Митрофана Лагидзе – «Магги клуб». А в 1974-м под потускневшими копиями картин Нико может выпить и закусить любая пара друзей, разжившихся десяткой или даже пятеркой. Так в одно чудесное майское утро и поступают Рэм Давыдов с другом-коллегой, соратником по застольям Гиви Амашукели. Тем более, что в карманах у них чуть побольше десятки, а главное – утро чудесно тем, что дел в редакции никаких.

В начале десятого акулы пера и барракуды телетайпа успевают выпить пару-тройку тостов, закусить и начать разговор о прекрасном. Внешне и манерами держаться они – полные противоположности друг другу. У немногословного, словно проглотившего аршин Гиви – непроницаемое лицо английского джентльмена. Общительный, склонный к полноте Рэм подвижен и оживлен. Кроме грузинформовской жизни и убежденности в том, что истина в вине, их объединяет еще и духовность. Поэтому в ходе содержательной беседы Гиви задумчиво замечает: «А сейчас в Москве «Джоконду» показывают...» «Показывают», – соглашается Рэм. «А почему бы и нам ее не посмотреть?» – развивает свою мысль Гиви. Рэм не видит никаких препятствий.

Речь они ведут о главном в

жизни огромной страны события 1974 года. В СССР гостит «прекрасная флорентийка», которую весь мир зовет попросту «Джоконда» или «Мона Лиза», а полное название, которое дал ей автор Леонардо да Винчи, – «Портрет госпожи Лизы дель Джокондо» («Ritratto di Monna Lisa del Giocondo»). Самый известный за всю историю человечества портрет оказался в Москве проездом «домой», в парижский Лувр из Японии, где его посмотрели 1,5 миллиона человек.

Сегодня уже трудно сказать, как министру культуры СССР Екатерине Фурцевой удалось сделать невозможное: договориться и в Лувре, и в Кремле, чтобы шедевр «задержался» в Советском Союзе на целых два месяца, изыскать огромную страховую сумму в 100 миллионов долларов, изготовить по своему личному заказу специальный пуленепробиваемый футляр, в который картину и поместили в одном из залов Государственного музея изобразительных искусств (ГМИИ) имени Пушкина.

Количество желающих поглядеть с «Джокондой» превзошло все ожидания. Надо было фактически с ночи по 7-8 часов выстаивать в очереди, начинавшейся задолго до подходов к музею. Но кого-кого, а советского человека очередь не запугает, и люди стояли, чтобы, не притормаживая, в непрерывном потоке пройти мимо картины. Получилось, что на общение с «прекрасной флорентийкой» каждому выпадало не больше 10-15 секунд. А это – один долгий взгляд. И, приближаясь к картине, посетители доставали binokli, поднимались на цыпочки, отесняли друг друга, чтобы из очереди в несколько рядов подольше смотреть на шедевр. А он отнюдь не большого формата – 77 на 53 сантиметра. Были и пытавшиеся задержаться уже перед картиной, цеплявшиеся в перила-ограждения, но милиционеры бдительны: поток не должен останавливаться!

Такие детали Давыдову и Амашукели были не известны, как и все, они знают лишь, что в «Москве с большим успехом

демонстрируется шедевр Леонардо да Винчи». И вполне резонно считают, что как советские граждане и интеллектуалы имеют полное право присоединиться к посетителям музея. Сказано – сделано! Они просят официанта, с большим пиететом относящегося к постоянным посетителям, не убирать со стола, оставить места за ними, пока они не вернутся. Затем отправляются в Грузинформ и звонят в ТАСС. Там вообще весьма уважают тбилисских коллег, а стремление приобщиться к шедевру живописи вызывает бурю восторженных эмоций, и всяческая помощь гарантируется.

Рэм и Гиви занимают в редакции не очень много денег, берут такси до аэропорта и успевают к объявлению регистрации на очередной из семи рейсов, ежедневно летавших тогда в Москву. Проблем с билетами в это время дня нет...

Во Внуково у трапа друзей уже ждет «Волга», присланная Секретариатом ГРСИ (Главной редакции союзной информации) ТАСС. Она подвозит прямо к многокилометровой очереди в Пушкинский музей. Там эстафету принимает тассовская редакция культуры, ее журналисты, знающие всех и вся в музеях, ловко внедряют тбилисцев в ко-

«Джоконда»

В подвале этого здания размещался ресторан «Дарьял»

лонну любителей живописи. И Рэм с Гиви, обзаведясь красочными буклетами, дисциплинированно проходят в этой колонне мимо застекленной загадочной красавицы.

Потом междугородный маршрут повторяется в обратном направлении, без задержек и потерь во времени. Так что два друга, с чувством выполненного перед искусством долга, садятся за свой столик в «Дарьяле», чтобы восполнить упущенное за день. Первый тост – за тассовцев, второй – за великого Леонардо...

Единственное, что в тот вечер омрачает Рэму хорошее настроение, – недоверие к свиданию с Джокондой, высказанное супругой Эммой. За многие годы совместной жизни ей не привыкать к появлениям мужа в столь позднее время. Но объяснение уж больно фантастическое! Однако все сомнения рассеиваются, когда перед онемевшими домочадцами выкладываются буклеты и проспекты, подтверждающие личное присутствие их владельца в московском музее.

Эпоха «своего человека в

Очередь в музей, к Джоконде

Рэм Давыдов с коллегами в начале XXI века

Совмине» заканчивается для Давыдова в 1982-м – Патаридзе гибнет в автомобильной катастрофе. После этого Рэм прожил 21 с лишним год, знаменуя целую эпоху грузинской промышленной журналистики. Потом и ее время закончилось – вместе с самой грузинской промышленностью. В стране начала зарождаться совсем иная журналистика – агрессивно политизированная, ставящая во главу угла сенсацию и неприятные чужого мнения, не чужающаяся прямого искажения фактов.

Это – журналистика уже новой эпохи, весьма символично стартовавшей в день...похорон Давыдова. Да, пока мы провожали Рэма Арменовича в по-

следний путь и поминали его на келехе (поминках), Михаил Саакашвили повел своих сторонников на штурм парламента. Положив начало доселе не виданной в истории страны эпохе, где не было места ничему из «вчерашнего дня», в том числе и Грузинформу, переименованному в Сакинформу.

Ну, а Джоконда... Как-то я спросил Рэма: «Скажи честно, какой она тебе запомнилась?» «Честно? – переспросил он, аккуратно допив стакан. – Знаешь, какая-то зеленоватая она была. То ли свет так падал, то ли – блики на стекле, за которое ее упрятали. Да разве главное было в том, чтобы ее запомнить и кому-то описывать? Наливай!»

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები საზღვარგარეთ
- სამომავლო დაგეგვა
- ფოტო

Эквтиме Такайшвили (1862-1953) – грузинский историк, археолог, общественный деятель, причислен к лику святых. В 2010 году памятник Э. Такайшвили установлен в Кутаиси на улице Руставели у школы №1.

Фото Александра Сватикова